III. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Информация для цитирования:

Максимов О. А. Место ходатайств и жалоб в современном уголовном процессе // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 52. С. 372–393. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-372-393.

Maximov O. A. Mesto khodataystv i zhalob v sovremennom ugolovnom protsesse [The Place of Motions and Complaints in Modern Criminal Procedure]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2021. Issue 52. Pp. 372–393. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-372-393.

УДК 343

DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-372-393

МЕСТО ХОДАТАЙСТВ И ЖАЛОБ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

О. А. Максимов

Ульяновский государственный университет

E-mail: o_maksimov@mail.ru

Поступила в редакцию 02.04.2021

Введение: статья посвящена исследованию значения института ходатайств и жалоб в уголовном процессе Российской Федерации. **Цель:** определить место права на ходатайства и жалобы в структуре субъективных прав лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, в системе прав человека, место ходатайств и жалоб в уголовно-процессуальной форме, роль в достижении назначения уголовного процесса. **Методы:** системный анализ, формальная и диалектическая логика, метод толкования правовых норм, сравнительно-исторический метод, сравнительно-правовой метод. **Результаты:** установлено, что единственным назначением уголовного процесса является защита прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство. Содержание и само существование правового института ходатайств и жалоб находится в непосредственной зависимости от актуального назначения процесса. Правовой институт ходатайств и жалоб является нормативной реализацией принципа права на обжалование процессуальных действий и решений, относящегося к числу «правоохранительных» принципов, в настоящее время определяющих форму (тип) уголовного процесса. В содержание данного принципа включается не только жалоба, но и ходатайство. Право на ходатайство и жалобу выступает в качестве гарантии реализации материальных прав, а также имеет самостоятельное значение в ряду неотъемлемых прав человека как элемент «права на право». Право на ходатайство и жалобу закреплено в международных актах по правам человека. Принцип права на обжалование процессуальных действий и решений является важнейшей гарантией достижения назначения уголовного судопроизводства, обязательной составной частью уголовно-процессуальной формы. Право на ходатайства и жалобы, как субъективное право, состоит в правопритязаниях на приведение в действие государственного аппарата для достижения процессуального интереса обращающегося лица. **Выводы:** право на жалобу и ходатайство является ключевым в построении уголовно-процессуальных отношений, направленных на защиту прав и свобод лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство.

© Максимов О. А., 2021

III. CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

Information for citation:

Maximov O. A. Mesto khodataystv i zhalob v sovremennom ugolovnom protsesse [The Place of Motions and Complaints in Modern Criminal Procedure]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2021. Issue 52. Pp. 372–393. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-372-393.

Максимов О. А. Место ходатайств и жалоб в современном уголовном процессе // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 52. С. 372–393. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-372-393.

UDK 343

DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-372-393

THE PLACE OF MOTIONS AND COMPLAINTS IN MODERN CRIMINAL PROCEDURE

O. A. Maximov

Ulyanovsk State University

E-mail: o_maksimov@mail.ru

Received 02.04.2021

Introduction: this paper studies motions and complaints in the context of criminal procedure in the Russian Federation. **Purpose:** to determine the place of the right to file motions and complaints in the structure of rights of persons involved in criminal proceedings, in the system of human rights, the place of motions and complaints in the criminal procedure form, their role in achieving the purpose of criminal procedure. **Methods:** system analysis, formal and dialectical logic, interpretation of legal norms, comparative historical method, comparative legal method. **Results:** the sole purpose of criminal procedure is to protect rights and lawful interests of persons involved in criminal proceedings. The scope and the very existence of the legal institution of motions and complaints directly depend on the current purpose of procedure. This legal institution is a regulatory implementation of the right to appeal against procedural actions and decisions, which is among the 'law-enforcement' principles that currently determine the form (type) of criminal procedure. The scope of this principle includes both complaints and motions. The right to file motions and complaints serves to ensure that substantive rights can be exercised and also has its individual significance among other inalienable human rights as an element of the 'right to a right'. The right to file motions and complaints is enshrined in international acts on human rights. The principle of the right to appeal against procedural actions and decisions is the most important guarantee of the purpose of criminal proceedings being achieved, a mandatory component of the criminal procedure form. The right to file motions and complaints consists in legal entitlement to bring into action the state apparatus with the aim of the applicant's procedural interest being satisfied. **Conclusions:** the right to file motions and complaints is a key right for building criminal procedure relations aimed at protecting the rights and freedoms of persons involved in criminal proceedings.

Keywords: motions; complaints; purpose of criminal procedure; criminal procedure form; principles of criminal procedure; rights and freedoms; persons involved in criminal proceedings

© Maximov O. A., 2021

Ключевые слова: ходатайства; жалобы; назначение уголовного процесса; уголовно-процессуальная форма; субъективное право; принципы уголовного процесса; права и свободы; лица, вовлекаемые в уголовный процесс

THE PLACE OF MOTIONS AND COMPLAINTS IN MODERN CRIMINAL PROCEDURE

O. A. Maximov

Ulyanovsk State University
E-mail: o_maksimov@mail.ru

Received 02.04.2021

Introduction: this paper studies motions and complaints in the context of criminal procedure in the Russian Federation. **Purpose:** to determine the place of the right to file motions and complaints in the structure of rights of persons involved in criminal proceedings, in the system of human rights, the place of motions and complaints in the criminal procedure form, their role in achieving the purpose of criminal procedure. **Methods:** system analysis, formal and dialectical logic, interpretation of legal norms, comparative historical method, comparative legal method. **Results:** the sole purpose of criminal procedure is to protect rights and lawful interests of persons involved in criminal proceedings. The scope and the very existence of the legal institution of motions and complaints directly depend on the current purpose of procedure. This legal institution is a regulatory implementation of the right to appeal against procedural actions and decisions, which is among the 'law-enforcement' principles that currently determine the form (type) of criminal procedure. The scope of this principle includes both complaints and motions. The right to file motions and complaints serves to ensure that substantive rights can be exercised and also has its individual significance among other inalienable human rights as an element of the 'right to a right'. The right to file motions and complaints is enshrined in international acts on human rights. The principle of the right to appeal against procedural actions and decisions is the most important guarantee of the purpose of criminal proceedings being achieved, a mandatory component of the criminal procedure form. The right to file motions and complaints consists in legal entitlement to bring into action the state apparatus with the aim of the applicant's procedural interest being satisfied. **Conclusions:** the right to file motions and complaints is a key right for building criminal procedure relations aimed at protecting the rights and freedoms of persons involved in criminal proceedings.

Keywords: motions; complaints; purpose of criminal procedure; criminal procedure form; principles of criminal procedure; rights and freedoms; persons involved in criminal proceedings

Введение

В настоящее время назначение уголовного судопроизводства обосновано основной конституционной целью – защитой прав и свобод человека, что поднимает значение рассматриваемого нами института на небывалую высоту, однако он традиционно находится на «периферии» интересов как теоретиков, так и практиков. Все это заставляет определить место института ходатайств и жалоб в современном уголовном процессе Российской Федерации.

Наибольший объем интересов лиц, вовлеченных в уголовный процесс, реализуется путем подачи ходатайств и жалоб и их своевременного, обоснованного и законного разрешения [3, с. 920]. УПК РФ закрепляет возможность реализации права на ходатайство и жалобы в принципе права на обжалование процессуальных действий и решений, а также путем формирования полноценного правового института ходатайств и жалоб.

Information in Russian

МЕСТО ХОДАТАЙСТВ И ЖАЛОБ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

O. A. Максимов

Ульяновский государственный университет
E-mail: o_maksimov@mail.ru

Поступила в редакцию 02.04.2021

Введение: статья посвящена исследованию значения института ходатайств и жалоб в уголовном процессе Российской Федерации. **Цель:** определить место права на ходатайства и жалобы в структуре субъективных прав лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, в системе прав человека, место ходатайств и жалоб в уголовно-процессуальной форме, роль в достижении назначения уголовного процесса. **Методы:** системный анализ, формальная и диалектическая логика, метод толкования правовых норм, сравнительно-исторический метод, сравнительно-правовой метод. **Результаты:** установлено, что единственным назначением уголовного процесса является защита прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство. Содержание и само существование правового института ходатайств и жалоб находится в непосредственной зависимости от актуального назначения процесса. Правовой институт ходатайств и жалоб является нормативной реализацией принципа права на обжалование процессуальных действий и решений, относящегося к числу «правоохранительных» принципов, в настоящее время определяющих форму (тип) уголовного процесса. В содержание данного принципа включается не только жалоба, но и ходатайство. Право на ходатайство и жалобу выступает в качестве гарантии реализации материальных прав, а также имеет самостоятельное значение в ряду неотъемлемых прав человека как элемент «права на право». Право на ходатайство и жалобу закреплено в международных актах по правам человека. Принцип права на обжалование процессуальных действий и решений является важнейшей гарантией достижения назначения уголовного судопроизводства, обязательной составной частью уголовно-процессуальной формы. Право на ходатайства и жалобы, как субъективное право, состоит в правопритязаниях на приведение в действие государственного аппарата для достижения процессуального интереса обращающегося лица. **Выводы:** право на жалобу и ходатайство является ключевым в построении уголовно-процессуальных отношений, направленных на защиту прав и свобод лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство.

Ключевые слова: ходатайства; жалобы; назначение уголовного процесса; уголовно-процессуальная форма; субъективное право; принципы уголовного процесса; права и свободы; лица, вовлекаемые в уголовный процесс

Introduction

Today the purpose of criminal proceedings is determined by the fundamental constitutional purpose, which is the protection of human rights and freedoms. This fact brings to the fore the institution being under study in this paper, although it traditionally used to be on the fringes of interest of both theoreticians and practitioners. Therefore, of particular interest today is the issue of the place that motions and complaints hold in modern criminal procedure in the Russian Federation.

Most interests of persons involved in criminal proceedings are realized via filing motions and complaints and their well-timed, motivated, and lawful resolution [3, p. 920]. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation provides for a possibility to realize the right to file motions and complaints in the principle of the right to appeal against procedural actions and decisions and via the formation of a full-fledged legal institution of motions and complaints.

Институт ходатайств и жалоб является инструментом реализации «правозащитных» принципов уголовного судопроизводства, достижения его назначения. Он уравнивает в какой-то мере возможности сторон, выступает средством защиты правового интереса обращающихся.

Говоря о месте данного института, следует обратить внимание на особенность его формирования. Во-первых, он базируется на отдельно выделенном принципе уголовного процесса (ст. 19 УПК РФ). Во-вторых, он отдельно выделен в части 1 УПК РФ (раздел V), посвященной общим положениям, т. е. распространяется на все правоотношения вне зависимости от стадии, формы и т. д. Выделение указанного института на уровне раздела УПК РФ свидетельствует о его равной значимости с такими, как, например, институт участников уголовного судопроизводства, институт мер процессуального принуждения, институт доказательств и доказывания и др.

Цель ходатайств и жалоб – не принятие конкретного решения или производство определенного действия, а реализация имеющихся в связи с процессуальным или реальным статусом лица прав и законных интересов, например установление обстоятельства, изменение процессуального положения и т. д., с помощью производства требуемых действий или принятия решений. Еще один значимый аспект – невозможность реализации таких прав без активности заявителя посредством каких-либо иных уголовно-процессуальных средств [15, pp. 456–460]. Только обращение о приобщении предметов, документов может сделать их доказательствами по уголовному делу, только обращение о придания статуса потерпевшего позволит лицу ставить вопрос о возмещении вреда.

Ходатайство направлено на совершение в будущем позитивных действий и, таким образом, имеет перспективный характер, а жалоба – на совершение действий, негативных, изменяющих сложившееся положение и, соответственно, направленность ретроспективную. Таким образом, ходатайство позволяет заранее обеспечить реализацию и защиту прав и свобод, законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, а жалоба связана с уже имеющим место (по мнению жалобщика) нарушением прав и интересов [19, p. 510].

Из этого следует, что роль ходатайств в данном правовом институте должна возрасти, в то время как жалоба – средство сколь необходимое, столь и нежелательное.

Следует особо сказать о соотношении рассматриваемого института и жалоб на приговор. Жалобы, как элемент исследуемого правового института, имеют целью осуществление уголовно-процессуальной деятельности в процессуальной форме, гарантирующей достижение назначения уголовного судопроизводства и восстановление нарушенных в ходе этой деятельности прав до их соответствия процессуальной форме. Жалобы на окончательные решения реализуют не процессуальный (соблюдение формы), а прежде всего материальный интерес. Требования об отмене (изменении) приговора (апелляционного определения) по причине нарушения процессуальной формы заявляются в связи с необходимостью изменения окончательного решения, выражающегося в назначенном (неназначенном) наказании, а не защитой прав и свобод лиц, принимавших участие в уголовном деле [17]. Факты таких нарушений в данном случае используются для достижения искомого «материального» решения, о восстановлении процессуальных прав речь уже не идет.

Правовой институт ходатайств и жалоб прошел длительный путь становления и развития, результатом которого явилось его сегодняшнее состояние, пусть и далекое от совершенства, но в некоторой степени способствующее достижению назначения уголовного процесса. При этом следует отметить, что полноценное формирование указанного института предполагает полный механизм его реализации. Поэтому право на ходатайство неотделимо от права на жалобу, которое является не только самостоятельным правом, но и гарантирует осуществление права на ходатайство через возможность обратиться к полномочиям контрольных и надзирающих инстанций при необоснованном отказе в совершении требуемых действий. Полноценный механизм реализации права на ходатайство и жалобу в качестве средств, обеспечивающих его функционирование, включает ведомственный контроль, прокурорский надзор и судебный контроль.

Если первые два традиционно находятся в системе правового регулирования уголовно-

The institution of motions and complaints is a tool for implementing ‘right-protective’ principles of criminal procedure, for achieving its purpose. To some extent it equals the possibilities of claiming parties, being their legal remedy.

As far as the place of this institution is concerned, we should pay attention to the peculiarities in its formation. Firstly, it is based on a separately distinguished principle of criminal procedure (Article 19 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). Secondly, it is separately distinguished in Part 1 of the Criminal Procedure Code (Section V) devoted to general provisions, which means this principle is applicable to all legal relations regardless of the stage, form, etc. The fact that this institution is allocated a whole section of the Code is indicative of its equal importance with such ones as the institution of participants in criminal proceedings, institution of measures of procedural compulsion, institution of evidence and proving, etc.

The purpose of motions and complaints is not to make a specific decision or to take a certain action but to realize rights and lawful interests relating to the procedural or real status of a person, for example, to establish a fact, to change a procedural provision, etc. via carrying out necessary actions or making decisions. One more significant point is that these rights cannot be realized without any actions taken by the applicant with the use of some other criminal procedure means [15, pp. 456–460]. Only an application filed to the court for entering certain items or documents as evidence in a criminal case can make those criminal evidence, only an application filed to the court for being assigned the status of affected person will provide an opportunity to raise the question of being compensated for damages.

Being focused on positive actions to be taken in the future, the motion is of a prospective nature. The complaint, focused on taking negative actions that will change the state of things, is of a retrospective nature. Thus, motions give an opportunity to ensure beforehand the realization and protection of rights and freedoms, lawful interests of persons involved in criminal proceedings, while complaints are connected with an actual (in the applicant’s opinion) infringement of rights and interests [19,

p. 510]. Hence, the role of motions in this legal institution shall increase, while the complaint is a tool that is both necessary and undesirable.

Special mention should be made of the correlation between the considered institution and complaints against conviction. Being an element of the studied legal institution, complaints are aimed at carrying out criminal proceeding activity in a procedural form, which guarantees that the purpose of civil procedure will be achieved and the rights infringed in the course of criminal proceedings will be restored so that they will completely conform with the procedural form. Complaints against final decisions serve to realize not procedural interest (observance of the form) but primarily financial interest. Claims for a conviction (an appellate ruling) to be quashed (changed) because of the procedural form having been infringed are made in connection with the need to change the final decision expressed in the imposed (not imposed) penalty but not in connection with the protection of rights and freedoms of persons involved in the criminal case [17]. Under these circumstances, facts of such infringements are used for the desired ‘financial’ decision to be made; restoration of procedural rights is out of question here.

The legal institution of motions and complaints has passed a lot of development stages to achieve its current state. Although this state is far from being perfect, to some extent it promotes the achievement of the criminal procedure purpose. It shall be noted that the full-fledged formation of the institution implies a full mechanism of its implementation. That is why the right to file motions is inseparable from the right to file complaints, which, being an independent right, also guarantees the realization of the right to file motions via the possibility to appeal to controlling authorities and supervising bodies in case of unreasonable refusal to take necessary actions. Institutional control, the procurator’s supervision, and judicial review are the elements of the full mechanism of the realization of rights to file motions and complaints that ensure the functioning of this mechanism.

Institutional control and the procurator’s supervision have traditionally been elements of the system of legal regulation of criminal procedure relations developing in Russian criminal proce-

процессуальных отношений, складывающихся в российском уголовном процессе, и были восприняты при смене государственности (от советской к российской), то судебный контроль стал достаточно новым правовым явлением после советского периода [16, р. 260]. Это вполне объяснимо. В связи с изменением назначения процесса с «борьбы с преступностью» до «защиты прав и свобод» необходимы были новые средства, отделенные от полномочий по уголовному преследованию, и судебный контроль как контроль со стороны органа, не осуществляющего уголовное преследование, представляет собой наиболее эффективное средство реализации права на ходатайство и жалобу. Именно он обеспечивает защиту прав и свобод, выходящих за рамки уголовно-процессуальных отношений в узком смысле – прав и свобод, установленных Конституцией РФ, т. е. является не только высшим, необходимым элементом механизма реализации права на ходатайство и жалобу, но и в историческом контексте завершает формирование данного института. Содержание и само существование судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека в уголовном процессе находится в непосредственной зависимости от назначения процесса, что видно из небольшого исторического экскурса.

Истоки формирования современного института ходатайств и жалоб в уголовном процессе

Надо отметить, что о значительной преемственности российского (царского) уголовного процесса и уголовного процесса послереволюционного в части судебного контроля говорить не приходится. Декрет о суде №1 от 14 ноября 1917 г. упразднил действующую систему судов и изменил содержание и характер контроля за соблюдением прав и свобод человека в уголовном процессе.

С первых лет существования советского государства были известны различные формы судебной защиты прав граждан. Характер предварительного следствия первых лет существования советской власти можно охарактеризовать как судебный. Судом контролировалась правильность избрания мер пресечения, законность проведения следственных действий, нарушающих права граждан по их жалобам, решался вопрос о прекращении уголовного дела.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 года изменил ситуацию, исключив из полномочий суда дачу санкций на производство некоторых следственных действий, ограничивающих права человека. Таким образом, возможности суда по контролю за соблюдением прав и свобод человека в уголовном процессе были значительно ограничены и оставались такими до девяностых годов XX века.

Международное правотворчество в области прав человека в этот период развивалось особенно активно, определяя возможности и границы судебного контроля как средства обеспечения прав и свобод человека в уголовном процессе. «Всеобщая декларация прав человека», принятая и провозглашенная резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН, устанавливает: «Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией и законом» (ст. 8); «каждый человек, для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения, имеет право, на основе полного равенства, на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом» (ст. 10).

Еще одним международным документом, оказавшим влияние как на сам факт существования рассматриваемого института, так и на его построение, стала «Конвенция о защите прав человека и основных свобод»¹ (далее – Европейская конвенция).

Законодательная реакция СССР на принятие указанных актов была довольно неторопливой, однако в национальном законодательстве СССР и РСФСР появлялись элементы механизма судебного контроля за законностью и обоснованностью вынесения управленческих решений в различных сферах. При этом право на судебное обжалование действий и решений, нарушающих права человека в ходе производства по уголовному делу, закреплено так и не было.

¹ Данная Конвенция заключена 4 ноября 1950 г. в Риме (изм. от 13.05.2004); «Протокол №1» (подписан 20.03.1952 в Париже), «Протокол № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (подписан в Страсбурге 16.09.1963), «Протокол № 7» (подписан в Страсбурге 22.11.1984) – в этих документах определены аналогии положения.

ture, so they were adopted when the Soviet state system was replaced by the Russian one. However, judicial review appeared as a fairly new legal phenomenon after the Soviet period [16, p. 260]. This is entirely understandable. The purpose of the procedure changed from 'crime prevention' to the 'protection of rights and freedoms'. Therefore, there arose a demand for new efficient tools, not connected with powers in criminal prosecution. Judicial review, as the type of control exercised by the body not engaged in criminal prosecution appears to be the most efficient tool for the exercise of the right to file motions and complaints. It is judicial review that ensures the protection of rights and freedoms lying outside the scope of criminal procedure relations in the narrow sense (i.e. rights and freedoms enshrined in the Constitution of the Russian Federation), which means that judicial review is not only the highest, necessary element of the mechanism for realizing the right to file motions and complaints but, from a historical perspective, also the element that completes the formation of this institution. The essence and the very existence of judicial review of respect for human rights and freedoms in criminal procedure directly depend on the purpose of procedure.

Origins of the Modern Institution of Motions and Complaints in Criminal Procedure

It should be noted that there is no question of a significant continuity of criminal procedure with regard to judicial review in Tsarist Russia and in the post-revolutionary period. Decree on the court No. 1 of November 14, 1917 abolished the functioning court system, changed the scope and nature of control over the observance of human rights and freedoms in criminal procedure.

From the early years of the Soviet state, there were known various forms of legal remedies. The nature of preliminary investigation of those years can be characterized as judicial. The court controlled the appropriateness of applied measures of restraint, the lawfulness of carrying out of investigative activities that infringed the rights of citizens in accordance with their complaints, the court took a decision whether to dismiss a criminal case. The Criminal Procedure Code of the Russian So-

viet Federative Socialist Republic (1922) changed this situation: the court lost the power to give sanctions for some investigative procedures that restricted human rights. Thus, the judicial powers with regard to the control over the compliance with human rights and freedoms in criminal procedure were significantly limited, which remained unchanged until the 1990s.

Meanwhile, international lawmaking in the sphere of human rights was actively developing during this period, there appeared documents that defined the scope and limits of judicial review as a tool for securing human rights and freedoms in criminal procedure. For example, the Universal Declaration of Human Rights, adopted and proclaimed by the resolution 217 A (III) of the General Assembly of the United Nations reads that: 'Everyone has the right to an effective remedy by the competent national tribunals for acts violating the fundamental rights granted him by the constitution or by law' (Article 8); 'Everyone is entitled in full equality to a fair and public hearing by an independent and impartial tribunal, in the determination of his rights and obligations and of any criminal charge against him' (Article 10).

Another international document that influenced both the existence of the considered institution and its formation and development was the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms¹ (hereinafter referred to as the European Convention).

Legislative reaction of the USSR to the adoption of the abovementioned acts was took a while, but gradually some elements of judicial review of legality and validity of managerial decisions taken in various spheres appeared in the national legislation of the USSR and RSFSR. However, the right to complain to court in case of any actions and decisions infringing human rights during criminal proceedings was not established.

¹ This Convention was concluded in Rome on November 4, 1950 (last amended on 13.05.2004); Protocol No. 1 (signed in Paris on March 20, 1952), Protocol No. 4, securing certain rights and freedoms other than those already included in the Convention and in the first Protocol thereto (signed in Strasbourg on September 16, 1963), Protocol No. 7 (signed in Strasbourg on November 22, 1984) – in these documents analogous provisions were provided.

Если следовать хронологии, то первым шагом по формированию судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека (и соответственно полноценного института ходатайств и жалоб) в уголовном процессе в национальном правотворчестве стала «Декларация прав и свобод человека и гражданина», принятая Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г. (ст. 8, 9, 11, 21, 30, 32).

Ко времени завершения советского периода истории России основные предпосылки формирования судебного контроля за соблюдением и защитой прав человека в уголовном процессе были задекларированы. Предстоящая работа по его регламентации и закреплению в уголовном процессе должна была превратить декларации в действующий механизм.

Основой могли служить наработки по организации судебного контроля в других сферах, уже имевшиеся в законодательстве. «Следственный» характер досудебного производства, необходимый для борьбы с преступностью, являвшейся в то время непосредственной задачей уголовного процесса, тормозил процесс выхода за рамки прокурорского надзора и ведомственного контроля при рассмотрении вопросов о нарушении прав человека при расследовании уголовных дел. Только признание идеи состязательности, как формирующей весь уголовный процесс, могло привести к закреплению судебного контроля за досудебным производством на законодательном уровне.

Нерешенная проблема реализации задекларированных прав и свобод человека и гражданина в отраслях, имеющих наибольшую склонность к применению государственного принуждения (прежде всего в сфере уголовного судопроизводства), подталкивала правоприменителя к поиску. Попытки решения вопросов судебного контроля за соблюдением прав человека в ходе производства по уголовному делу методами и средствами не уголовно-процессуального характера неоднократно предпринимались на практике, однако Верховный Суд РФ, как представляется, правомерно указывал на недопустимость применения таких средств и методов¹.

¹ Некоторые вопросы судебной практики по гражданским делам: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 1999. № 8. С. 17.

Следующий по хронологии шаг в развитии изучаемого института – внесение в УПК РСФСР изменений, регулирующих обжалование в суд решений и действий, связанных с задержанием подозреваемого и применением меры пресечения в виде заключения под стражу².

Конституция РФ 1993 года стала самым последовательным и всеобъемлющим документом, окончательно утвердившим возможность судебного обжалования решений и действий на предварительном следствии. Однако различное понимание указанных положений Конституции обусловило отсутствие единообразия в их применении на практике. В разрешении этого вопроса большую роль сыграл Конституционный суд РФ.

Из 147 постановлений Конституционного суда РФ о проверке конституционности нормативных актов, вынесенных в период до 1 июля 2002 г. (до вступления в силу УПК РФ), 29 напрямую касались уголовно-процессуальных отношений. Из этих 29 постановлений 6 (21%) напрямую касались именно судебного контроля за соблюдением прав человека в ходе производства по уголовному делу (вопросы возможности, порядка и процедуры обжалования в суд действий и решений органов дознания, следователей и прокуроров).

В связи с решениями Конституционного суда РФ в УПК РСФСР были внесены некоторые изменения. Они коснулись возможности обжалования в суд постановления о прекращении уголовного дела и постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. По общему закреплению в УПК РСФСР правил, жалобы на действия и решения дознавателя, органа дознания и следователя рассматривал прокурор, а жалобы на действия и решения прокурора – вышестоящий прокурор. Однако УПК РСФСР (ст. 209, 218–220.2) также устанавливал, что арест или продление срока содержания под стражей, а также отказ органа дознания, следователя, прокурора в возбуждении уголовного дела или прекращение ими уголовного дела на стадии расследования (с 1 января 1997 г.) могли быть обжалованы в суд по месту производства либо по месту со-

² О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: закон РФ от 23 мая 1992 г. № 2825-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 25, ст. 1389. (Утратил силу).

Chronologically, the first step taken in the national lawmaking to form judicial review of the respect for and observance of human rights and freedoms (and, respectively, to form the full-fledged institution of motions and complaints) in criminal procedure was the Declaration of Rights and Freedoms of Person and Citizen adopted by the Supreme Soviet of the RSFSR on November 22, 1991. (Articles 8, 9, 11, 21, 30, 32).

By the end of the Soviet period in the history of Russia, there had been declared major premises for the formation of judicial review of the respect for and protection of human rights in criminal procedure. Further work on its institutionalization in criminal procedure was supposed to transform declarations into a functioning mechanism.

This work could be based on the best practices of organizing judicial review in other spheres that had already been legislatively formalized. The 'investigative' nature of pre-trial proceedings, necessary for crime prevention, being an immediate purpose of criminal procedure at that period, slowed down the process of going beyond institutional control and the procurator's supervision when considering issues related to the infringement of human rights during investigation of criminal cases. Acknowledgment of the adversarial principle as a constitutive element of the whole criminal procedure was the only way to assign judicial review to pre-trial proceedings at legislative level.

The unresolved issue of realizing the declared rights and freedoms of person and citizen in spheres more tending to the application of public enforcement (primarily in criminal proceedings) prompted law executors to search for a solution. In practice, there have been made repeated attempts to solve the issues of judicial review of the respect for human rights in course of criminal proceedings using methods and techniques of not criminal procedure nature. However, the Supreme Court of the Russian Federation lawfully (as appears to be) noted the unacceptability of applying such methods and techniques¹.

¹ Some issues of litigation practice in civil cases: Judicial review of the Supreme Court of the Russian Federation. *Bulletin*

The next step in the development of the institution in question was introduction into the Criminal Procedure Code of the RSFSR of amendments regulating the procedure for judicial complaint against decisions and actions connected with deterring a suspect and applying restrictive measures in the form of detention².

The Constitution of the Russian Federation (1993) became the most consistent and comprehensive document that finally established the possibility to complain to court against decisions and actions made during preliminary investigation. However, various approaches to understanding the abovementioned provisions of the Constitution determined the absence of equivalence in their application in practice. The Constitutional Court of the Russian Federation played a significant role in solving this issue.

From 147 Rulings of the Constitutional Court on verifying the constitutional nature of regulatory enactments introduced until July 1, 2002 (when the Criminal Procedure Code of the Russian Federation came into force), 29 were expressly related to criminal procedure relations. From 29 of the abovementioned rulings, 6 (21%) were expressly related to judicial review of respect for human rights during criminal proceedings (namely, the issues of the possibility, practice, and procedure of complaining to court against actions and decisions of investigative authorities, investigators and procurators).

Following the decisions of the Constitutional Court, the Criminal Procedure Code of the RSFSR was amended. The amendments concerned the possibility to complain to court against rulings on the termination of a criminal case and rulings on the refusal to institution a criminal case. In accordance with the general rule established in the Criminal Procedure Code of the RSFSR, complaints against actions and decisions of interrogators, investigative authorities and investigators were considered by procurators, while complaints against actions and decisions of procurators – by superior procurators. However, the Code (Articles

of the Supreme Court of the Russian Federation. 1999. No. 8. P. 17.

² Federal Law No. 2825-1 of May 23, 1992 'On Introducing Amendments and Additions into the Criminal Code of the RSFSR'. *Gazette of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the Russian Federation*. 1992. No. 25. Art. 1389 (The document is no longer valid).

держания под стражей обвиняемого или подозреваемого¹.

Этот круг обжалуемых решений был расширен постановлениями Конституционного суда РФ. Эти решения связаны, прежде всего, с тем, что необходимо было, в соответствии с Конституцией РФ, распространить судебный контроль на защиту прав человека в ходе всего производства по уголовному делу, урегулировав разрешение нормами уголовно-процессуального закона. На тот момент законодатель в большинстве случаев не определял порядка рассмотрения подобных жалоб. Далеко не всегда конкретные разъяснения о процедуре осуществления судебно-контрольных действий содержались и в постановлениях Конституционного суда РФ. Во многих случаях авторы этих документов ограничиваются тем, что предлагают судам прибегать к правилам процессуальной аналогии. В этой связи очередной пробел в уголовно-процессуальном законодательстве вызывал у судей определенные сложности в применении норм УПК РСФСР, что привело к дальнейшему реформированию исследуемого института.

Таким образом, к моменту принятия УПК РФ судебный контроль за защитой прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве уже был закреплён в Конституции, постановлениях Конституционного суда РФ и Уголовно-процессуальном кодексе, но сформирован был лишь фрагментарно.

Полноценно уголовно-процессуальный институт ходатайств и жалоб был сформирован в УПК РФ, где ему посвящён раздел V.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что институт ходатайств и жалоб развивался вместе со всем уголовным процессом. Наиболее активно это происходило в периоды, когда назначением уголовного судопроизводства становилась защита прав и свобод лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство. Указанное развитие значительным образом тормозилось в периоды преобладания публичных целей над частными. Все это подчеркивает

зависимость рассматриваемого института от назначения уголовного судопроизводства, формирующего тип уголовного процесса.

Ходатайства и жалобы как элемент уголовно-процессуальной формы

В зависимости от конкретных потребностей социума, выраженных, прежде всего, в основных законах, уголовный процесс имеет совершенно определенное назначение (цель) на конкретных исторических этапах развития общества. Назначение уголовного судопроизводства сводится к достижению одной из двух целей, находящихся на различных «полюсах», — защите общества от преступности (материально-правовая, публичная цель) или защите прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство (процессуально-правовая, частная цель). Взаимосвязь данных объектов не позволяет говорить об их абсолютной противоположности, однако чем больше в «общем объеме» назначения занимает одна идея, тем меньше в нем остается места для другой. При этом вторая неизбежно становится средством достижения единственного назначения. Представляется, что ключевым моментом в определении актуального назначения российского уголовного судопроизводства является статья 2 Конституции РФ. Наличие в главе 1 Конституции РФ положений об основных ценностях, признаваемых и охраняемых государством, определяет направленность и назначение всей государственной деятельности и позволяет в качестве единственного назначения уголовного процесса задекларировать защиту прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство.

Уголовно-процессуальная форма — это комплексное средство достижения назначения уголовного судопроизводства [5]. В самом упрощенном понимании она представляет собой процедуру производства по уголовным делам, регламент как совершения отдельных процессуальных действий, так и реализации всей уголовно-процессуальной деятельности. Достаточно часто понятие уголовно-процессуальной формы отождествлялось с нормативной моделью судопроизводства. Однако достижение назначения уголовного процесса посредством формы возможно, если вся рассматриваемая процедура согласована между собой и подчине-

209, 218–220.2) also established that arrest or continuing of detention, and refusal of investigative authorities, investigators, procurators to institution a criminal case, or termination of a criminal case by them in course of investigation (from January 1, 1997) could be complained to court at place of proceedings or at place of detention of the accused or the suspected¹.

The list of decisions subject to appeal was extended by rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation. These were primarily connected with the need, in accordance with the Constitution of the Russian Federation, to extend judicial review to the protection of human rights during the whole process of criminal proceedings, with resolution regulated by norms of criminal procedure law. At that time, in most cases legislators did not prescribe the procedure for the consideration of such complaints. By no means always rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation contained clarifications concerning the procedure for judicial control. In most cases, the authors of these documents only suggested that courts apply the procedural similarity rules. Therefore, yet another gap in legislation on criminal procedure presented certain challenges to judges in applying the norms of the Criminal Procedure Code of the RSFSR. This fact led to further reformation of the studied institution.

As can be seen from the above, by the moment the Criminal Procedure Code of the Russian Federation was adopted, judicial review of the protection of human rights and freedoms in criminal proceedings had already been established in the Constitution, rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code. However, it represented not a full-fledge system, but only some fragments of that.

The criminal procedure institution of motions and complaints was fully formed in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (Section V).

It is possible to conclude that the institution of motions and complaints was developing together with the whole criminal procedure. The most intensive development took place during the periods when the purpose of criminal procedure was to protect rights and freedoms of persons involved in criminal proceedings. The development considerably slowed down in the periods when public purposes dominated over private ones. All this emphasizes dependence of the considered institution on the purpose of criminal procedure, which forms the type of criminal procedure

Motions and Complaints as an Element of the Criminal Procedure Form

Depending on certain public needs, which are primarily reflected in fundamental laws, criminal procedure has an unambiguous purpose at each particular stage of social development. The purpose of criminal procedure can be reduced to one of two purposes, being at opposite ‘poles’: to protect society against crime (substantive legal, public purpose) or to protect rights and lawful interests of persons involved in criminal proceedings (procedural, private purpose). Interrelation of these objects restrains us from stating their absolute opposition. However, the more space one idea occupies in the ‘total scope’ of the purpose, the less space remains for the other one. Noteworthy is also that the other idea inevitably becomes a tool for achieving the sole purpose. It appears that the key point in determining the current purpose of Russian criminal procedure is Article 2 of the Constitution of the Russian Federation. Chapter 1 of the Constitution contains provisions related to the core values being acknowledged and protected by state. These values determine the course and purpose of the whole state activity and make it possible to declare the protection of rights and lawful interests of persons involved in criminal proceedings the sole purpose of criminal procedure.

The criminal procedure form is a complex tool for achieving the purpose of criminal proceedings [5]. In the most simplified conception, it represents the procedure for the conduct of criminal proceedings, regulation of both separate procedural actions and the whole criminal procedure activity. Quite often the concept of the criminal procedure form was identified with the normative model of proceedings. However, achieving the

¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР в связи с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 21 дек. 1996 г. № 160-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 52, ст. 5881. (Утратил силу).

¹ Federal law No. 160-FZ of December 21, 1996 ‘On Introducing Amendments and Additions into the Criminal Code of the RSFSR and the Corrective Labor Code of the RSFSR in connection with the adoption of the Criminal Code of the Russian Federation’. *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 1996. No. 52. Art. 5881 (The document is no longer valid).

на единому назначению, поэтому даже нормативистское понимание данного феномена, как правило, сопровождается стремлением ряда авторов выявить ее системообразующее ядро и предъявить ко всем элементам единые требования.

И. Б. Михайловская выделяет такие структурные элементы процессуальной формы, как цель, функции и принципы [10]. Полагаем, следует согласиться с таким подходом по следующим причинам. Единая направленность уголовного процесса – обязательное условие его функционирования. Стадийное построение уголовного процесса, обеспечивающее «объективизацию» принимаемых решений через практику различных властных субъектов, позволяет принять наиболее правосудное, проверенное разными, не связанными друг с другом людьми решение. Однако при противоположности их взглядов на саму задачу всей деятельности такой плюрализм не позволит принять решение. Если следователь считает основной задачей уголовного процесса достижение «объективной» истины, он совершенно оправданно игнорирует или преодолевает все препятствия, существующие для этого, в т. ч. и права всех тех лиц, которых он в уголовный процесс вовлекает. В то же время прокурор, также находящийся в цепи субъектов, принимающих решение по делу, при его понимании назначения уголовно-процессуальной деятельности как правоохранительной по отношению ко всем вовлекаемым субъектам (в т. ч. и подозреваемого, обвиняемого) никогда не согласится с таким производством по делу, что неминуемо приведет к ситуации, в которой уголовное дело не пройдет на следующий этап. Такие же конфликты возможны и между субъектами, принимающими решения на любых других стадиях. Конечно, практика найдет выход и из такой ситуации и все нижестоящие инстанции «подстраются» под понимание инстанции конечной, однако оптимальное функционирование уголовно-процессуальной деятельности предполагает едионаправленную деятельность при производстве по уголовному делу с самого начала. Это не только обеспечит согласованное достижение общего назначения на всех этапах производства, но и позволит больше внимания уделить определению позиции каждого из принимающих решение о доказанности деяния, на всех этапах одинаково обеспечивать меры государственного принуждения.

Таким образом назначение уголовного судопроизводства, как элемент уголовно-процессуальной формы, задает общие ориентиры всей уголовно-процессуальной деятельности.

Уголовно-процессуальные функции должны быть согласованы с назначением уголовного судопроизводства. Так, при рассмотрении функции обвинения как функции абсолютной, не в связи с «правоохранительным» назначением процесса, ее носитель совершенно оправданно не будет включать в ее содержание необходимость соблюдения прав частных лиц. В то же время сторона защиты, осуществляя лишь «защиту от обвинения», может также абстрагироваться от необходимости обеспечения своих процессуальных прав, сосредоточившись исключительно на отстаивании материально-правовых интересов. Особо следует сказать об опасности абсолютизации функции «разрешения дела», что неминуемо влечет «срачивание» суда с одной из сторон. Все это приведет к недостижению назначения уголовного процесса при неверном, не согласованном с ним понимании содержания уголовно-процессуальных функций. Другое дело, если функция будет рассматриваться как функция «участия в состязательности», обеспечении прав и свобод человека. Тогда суд сможет разрешить дело, только «отодвинувшись» от сторон, а стороны обвинения и защиты должны будут полноценно обеспечивать защиту прав участников процесса.

Таким образом, функции, их конкретное нормативное содержание, приводят к реализации назначения уголовного судопроизводства в уголовно-процессуальной деятельности. Это обеспечивается посредством закрепления в списке полномочий, прав и обязанностей участников процесса не только тех, которые обеспечивают возможность реализации «внутренних» задач каждого из субъектов, но и общих, формирующих в совокупности тип уголовного процесса. Тем самым функции являются элементом уголовно-процессуальной формы, обеспечивающим движение уголовного процесса, причем в том направлении, которое обозначено назначением процесса.

Принципы являются «границами», «пределами», в которых осуществляется уголовно-процессуальная деятельность. В свою очередь, содержательная сторона принципов определяется назначением уголовного судопроизводства. При различном толковании содержательного

purpose of criminal procedure via form is only possible provided that the whole procedure is characterized by inner congruence and is intended to achieve a single purpose. That is why even normative understanding of this phenomenon, as a rule, is accompanied by commitment of authors to identify its centerpiece and to apply uniform requirements to all elements.

I. B. Mikhaylovskaya distinguishes the following structural elements of the procedural form: purpose, functions, and principles [10]. In our opinion, it is worth agreeing with this approach for the following reasons. Single-focused orientation of criminal procedure is a mandatory condition for its functioning. Stage-by-stage structure of criminal procedure, ensuring ‘objectification’ of the decisions taken via practice of various authorities, makes it possible to take the truest decision, checked by various independent persons. However, if their views on the objective of the whole activity itself are opposite, this pluralism will not allow making any decision. If an investigator considers that the prime purpose of criminal procedure is to achieve ‘objective’ truth, they will legitimately ignore or overcome all obstacles for that, including the rights of persons involved in criminal procedure. At the same time, if a procurator, being another ‘link’ in the chain of persons/bodies taking a decision on the case, believes that the purpose of criminal procedure is to protect the rights of persons involved (including the suspect and the accused), they will never agree with such proceedings on the case. This fact will unavoidably lead to a situation where the criminal case will not reach the next stage. The same conflicts in understanding are also possible among persons making decisions at any other stages. Certainly, in practice a solution for this situation will be found, and all the inferiors will ‘adapt’ to the understanding of the backstop. However, optimum functioning of criminal procedure activity requires a single-focused activity throughout criminal proceedings from the very beginning. This not only ensures the coherence of steps taken on the way to achieving the general purpose at all stages of proceedings, but also provides a possibility to pay more attention to determining the position of every person making a decision related to proving the action, makes it possible to equally ensure public enforcement measures at all stages.

As can be seen from the above, the purpose of criminal proceedings, as an element of the criminal procedure form, sets general benchmarks for the whole criminal procedure activity.

Criminal procedure functions shall be coordinated with the purpose of criminal proceedings. Therefore, when considering the accusation function as an absolute one, not in connection with the ‘law-enforcement’ purpose of the procedure, the carrier of this function will legitimately not include the need to respect rights of private persons into the scope of the function. At the same time, the defense party, if only protecting against accusation, can disregard the upholding of its procedural rights and concentrate only on guarding substantive interests. It must be specially said about the risk of idealizing the ‘adjudication’ function, which unavoidably leads to the merging of court with one of the parties. All this will lead to failure in achieving the purpose of criminal procedure if the understanding of the functions of criminal procedure is wrong or not coordinated with the court. It is a different case if the function is primarily considered as a function of ‘participating in an adversarial process’, in upholding human rights and freedoms. In this case, court will be able to resolve the cases only ‘standing off’ the parties, while the prosecution and the defense will have to efficiently provide the protection of rights of persons involved.

As can be seen from the above, the functions and their specific normative content lead to the realization of the purpose of criminal proceedings. This is ensured via specifying not only those powers, rights and obligations of persons involved that ensure the possibility of realizing ‘internal’ objectives of each of the persons but also general ones, which, taken together, shape the type of criminal procedure. Thus, functions are elements of the criminal procedure form ensuring progression of criminal procedure in the direction set out by the purpose of procedure.

Principles are ‘borders’, ‘limits’ within which criminal procedure activity is carried out. The substantive aspect of principles is determined by the purpose of criminal proceedings. Taking into consideration the fact that the substantive aspect of the purpose of criminal proceedings is interpreted differently (application of the norms of substantive law, crime prevention, reaching of the truth, protection of the rights of persons involved in criminal

аспекта назначения уголовного судопроизводства (применение норм материального права, борьба с преступностью, достижение истины, защита прав лиц, вовлеченных в уголовный процесс, либо любое другое понимание) все авторы согласны с тем, что все нормы уголовно-процессуального закона должны способствовать достижению цели. Вместе с тем перечень принципов существенно варьируется в публикациях различных авторов.

Определение структурных элементов процессуальной формы (цель, функции, принципы) и их содержательное раскрытие будет неполным при игнорировании того факта, что, как уже упоминалось, в силу различных потребностей общества на разных этапах своего развития, уголовный процесс может иметь совершенно различное назначение, вследствие чего и возникает необходимость определения иерархии принципов для конкретного исторического момента. В зависимости от типа процесса на первое место в иерархии выходит либо «репрессивная», «розыскная» сторона уголовного процесса, либо его «охранительное» (применительно к тем частным лицам, которые в него вовлекаются) назначение. Аналогична ситуация и в отношении принципов уголовного процесса.

Причем подавляющее большинство авторов либо прямо заявляют о «рядоположенности» принципов, либо вообще не затрагивают вопрос об иерархичности их системы. Только в последние десятилетия появились работы, в которых так или иначе рассматривается проблема иерархии принципов. Так, А. В. Смирнов считает, что принципы судопроизводства «взаимосвязаны и составляют единую иерархическую систему... Однако именно потому, что они составляют систему, не все принципы абсолютно равнозначны» [14, с. 201]. Полностью разделяем это мнение. Уголовно-процессуальная деятельность требует регулирования разностороннего. Это вытекает из того, что она является попыткой компромисса различных, чаще всего противоположных, интересов. Как уже было сказано ранее, соотношение публичных и частных интересов, приоритет одного над другим в связи с актуальным назначением всей уголовно-процессуальной деятельности, формируют уголовно-процессуальную форму, содержание которой и определяет иерархию принципов уголовного процесса.

Вышеуказанное единственное назначение уголовного процесса предопределяет в современном уголовном процессе главенствующую роль принципов, направленных на охрану и защиту прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве.

Уголовно-процессуальные принципы классифицируют на принципы, обеспечивающие права и свободы человека в уголовном процессе, и принципы, определяющие порядок производства по делу. Исходя из изложенного выше, приоритетная роль нами отводится именно принципам, обеспечивающим права и свободы человека в уголовном судопроизводстве. При этом отметим, что, как и любое разделение элементов единой системы (необходимое для анализа как всей системы, так и каждого ее элемента), такое разделение в достаточно большой степени является условным. Каждый из принципов, действуя в совокупности с другими, направлен и на установление порядка производства по делу и на обеспечение прав и свобод человека. Однако следует указать на большее «правоохранительное» значение таких принципов, как:

- уважение чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ);
- неприкосновенность личности (ст. 10 УПК РФ);
- охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ);
- неприкосновенность жилища (ст. 12 УПК РФ);
- тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13 УПК РФ);
- презумпция невиновности (ст. 14 УПК РФ);
- состязательность сторон (ст. 15 УПК РФ);
- обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ);
- право на обжалование процессуальных действий и решений (ст. 19 УПК РФ).

Правовой институт ходатайств и жалоб является нормативной реализацией принципа права на обжалование процессуальных действий и решений, относящегося к числу «правоохранительных» принципов, в настоящее время определяющих форму (тип) уголовного процесса.

procedure, or any other understanding), all authors agree that all norms of criminal procedure law shall promote this purpose to be achieved. The lists of principles considerably vary in works of different authors.

When discussing the structural elements of the procedural form (purpose, functions, principles), it is essentially important not to ignore the fact that, as has already been mentioned, due to the different public needs at different development stages, criminal procedure can have absolutely different purposes, whereby it is necessary to determine the hierarchy of principles for a certain historical moment. Depending on the type of the process, to the fore of the hierarchy comes either ‘repressive’, ‘fugitive’ part of criminal procedure or its ‘guarding’ (in respect to private persons involved in it) purpose. The same applies to the principles of criminal procedure.

Interestingly, most authors either expressly declare the belonging of principles to one level or do not mention at all the hierarchy of their system. Only in recent decades, there appeared works in which, in some or other way, the issue of hierarchy of the principles is concerned. For example, A. V. Smirnov thinks that the principles of proceedings ‘are interdependent and form a single hierarchical system... However, since the principles form a system, they are not equal’ [14, p. 201]. We totally agree with this opinion. Criminal procedure activity requires a diversified regulation. This arises from fact that this activity is an attempt to find a compromise among various (more often opposite) interests. As it has already been mentioned, the correlation between public and private interests, the priority of one over the other due to the currently relevant purpose of the whole criminal procedure activity shape the criminal procedure form, the content of which determines the hierarchy of the principles of criminal procedure.

The abovementioned sole purpose of criminal procedure predetermines the dominating position in modern criminal procedure of the principles aimed at securing and protecting rights and freedoms of persons involved in criminal proceedings.

The principles of criminal procedure are classified into principles upholding rights and freedoms of persons involved in criminal proceedings and principles determining procedure for the conduct of proceedings. In view of the foregoing, we prioritize the principles upholding rights and freedoms of persons involved in criminal proceedings. It should be noted that this division is conditional, as any other division of elements constituting a unified system (necessary for analyzing both the whole system and every element). Each principle, functioning in combination with other ones, is aimed both at establishing the procedure for the conduct of proceedings and at upholding human rights and freedoms. However, we should note that the following principles are of a more ‘law-enforcement’ nature:

- respect for human honor and dignity (Article 9 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation);
- inviolability of person (Article 10);
- protection of rights and freedoms of person and citizen involved in criminal proceedings (Article 11);
- inviolability of home (Article 12);
- privacy of correspondence, telephone and other conversations, postal, telegraph and other communications (Article 13);
- assumption of innocence (Article 14);
- adversarial principle for the parties (Article 15);
- securing of the right to defense for the suspect and the accused (Article 16);
- the right to appeal against procedural actions and decisions (Article 19).

The legal institution of motions and complaints is a normative implementation of the principle of the right to appeal against procedural actions and decisions that refers to ‘law-enforcement’ principles currently determining the form (type) of criminal procedure.

При попытке раскрытия содержания принципа, обозначенного в статье 19 УПК РФ, возникает главный вопрос: входят ли в его состав только жалобы, или он охватывает и такое процессуальное явление, как ходатайство? Прежде всего следует отметить, что ходатайства и жалобы в уголовно-процессуальном регулировании имеют одинаковое назначение. Они направлены на приведение в «действующее», «рабочее» состояние имеющиеся у обращающегося права. И то и другое представляют собой юридическое выражение воли участника процесса на пользование своими правами, которые без вмешательства государства не могут быть реализованы.

При этом ходатайство следует рассматривать как требование о принятии позитивного решения (совершения действия, бездействия), которое должно быть принято (совершено) исходя не из произвольного усмотрения ходатай, а из публичной обязанности соответствующего органа в рамках осуществления его функции. Ходатайствами можно признать только такие требования, которые могут повлечь юридически значимые в рамках уголовного дела последствия. При заявлении ходатайства о совершении следственных действий обращающийся преодолевает бездействие уполномоченного субъекта, ведущее к неустановлению каких-либо элементов предмета доказывания, при обращении с требованием о прекращении уголовного преследования – бездействие, выраженное в непринятии законного решения по делу и т.д.

Таким образом, не только жалоба является разновидностью ходатайства, так как содержит в себе требование о совершении, кроме констатации факта нарушения прав, действий по восстановлению нарушенного права, но и ходатайство является разновидностью жалобы, так как приводит к совершению действий, обязательных для уполномоченного органа или лица, но не совершенных им в нарушение возложенной на него функции. Несмотря на существенные различия, и ходатайства и жалобы представляют собой единое праввосстановительное средство, что позволяет нам включать в содержание рассматриваемого принципа и то и другое.

Рассматриваемый принцип уголовного процесса прежде всего включает в себя само субъективное право на ходатайства и жалобы. Для определения места данного права в систе-

ме прав человека следует обратиться к ее структуре и рассмотреть некоторые различающиеся подходы к ее организации, имеющие значение для решения поставленной задачи.

Право на ходатайства и жалобы как неотъемлемое право человека

«Современный каталог прав человека, зафиксированный в международно-правовых документах и конституциях правовых государств, – результат длительного исторического становления эталонов и стандартов, которые стали нормой современного демократического общества» [11, с. 13]. Права человека разнообразны и многогранны. Они позволяют обеспечивать развитие каждой конкретной личности и способствуют организации всего общества как системы, обеспечивающей учет как частных, так и публичных интересов.

«На становление прав человека решающее влияние оказала естественно-правовая доктрина, утвердившая приоритет прав человека и определившая новые параметры взаимоотношений между индивидом и властью» [11, с. 21]. Л. П. Рассказов и И. В. Упоров называют существенные особенности естественных прав человека:

- «1) возникновение с момента рождения;
- 2) неотчуждаемость (неотъемлемость);
- 3) выражение наиболее существенных возможностей развития человека;
- 4) непосредственный и объективных характер реализации» [13, с. 15].

Что касается последнего тезиса авторы отмечают, что, во-первых, естественные права «реализуются непосредственно, то есть без какого бы то ни было правоприменительного акта... При определенных обстоятельствах они могут быть уменьшены в объеме, в то время как для других конституционных прав ... требуется оформление юридических документов. Во-вторых, реализация естественных прав осуществляется объективно, независимо от воли людей» [13, с. 14].

Они же выделяют среди естественных прав человека первичные (фундаментальные), включающие в себя право на жизнь, свободу, достоинство личности и личную неприкосновенность, и все иные естественные права, исходящие из основных либо входящие в первичные в качестве частей, их составляющих [13, с. 16–17].

When attempting to interpret the principle specified in Article 19 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the main question that arises is whether it includes only complaints or such a procedural phenomenon as motions as well. It is primarily worth being noted that motions and complaints in criminal procedure regulation have the same purpose. They are aimed at making the applicant's right 'function'. Both of them represent judicial expression of the will of a participant in criminal proceedings to exercise their rights that cannot be exercised without participation of state.

Motions shall be regarded as a request to take a positive decision (an action, inaction) that shall be taken based not on an arbitrary discretion of the motioner but on the public obligation of the appropriate authority within the framework of its functions. Only those requests that can have legal implications within the framework of the criminal case can be considered. When filing a motion to take investigative actions, the applicant tackles inaction of the authorized person that leads to failure to identify some elements of the fact to be proven. As far as the request to dismiss criminal prosecution is concerned, the applicant tackles inaction consisting in failure to take a lawful decision in the case, etc.

As can be seen from the above, complaints are a type of motions because they include (apart from stating the infringement of rights) claim for actions to restore infringed rights, while motions are also a type of complaints because they lead to taking actions mandatory for the authorized body or person but not taken by them in contravention of the assigned function. Despite significant differences, both motions and complaints represent a single right-restorative judicial tool, which allows us to include both of them in the content of considered principle.

The considered principle of criminal procedure primarily includes the right to file motions and complaints itself. To determine the place of this right in the system of human rights, it is neces-

sary to focus on its structure and study some differing approaches to its organization that appear to be important for accomplishing this task.

The Right to File Motions and Complaints as an Inalienable Human Right

‘The modern catalog of human rights enshrined in international legal documents and constitutions of law-bound states is the result of a long-term historical development of model rules and standards that have become a norm of modern democratic society’ [11, p. 13]. Human rights are diverse and comprehensive. They make it possible to ensure development of every certain person and promote organization of the whole society as a system that ensures consideration of both private and public interests.

‘Development of human rights was dramatically influenced by the natural law doctrine that established the priority of human rights and determined new parameters of relations between the person and the state’ [11, p. 21]. L. P. Rasskazov and I. V. Uporov name the following essential features of human natural rights:

- 1) they appear from the moment of birth;
- 2) they are inalienable (inherent);
- 3) they express the most essential possibilities of human development;
- 4) their realization is of a direct and objective nature’ [13, p. 15].

As to the last thesis, the authors note that, firstly, natural rights are ‘exercised directly, i. e. without any law-enforcement act... Under certain circumstances, they can be diminished in scope, while for other constitutional rights ... it is necessary to execute judicial documents. Secondly, natural rights are exercised objectively, despite people's will’ [13, p. 14].

The same authors, among human natural rights, distinguish primary (fundamental) rights, including the right to life, freedom, personal dignity and inviolability of person, and all other natural rights proceeding from primary ones or being their elements [13, pp. 16–17].

В. М. Капицын отмечает, что права человека традиционно разделяются на естественные (неотъемлемые, прирожденные) и приобретенные (гражданские – фиксированные нормами, установленные в результате усилий). Основными (фундаментальными) правами человека являются определенные мыслителями и обозначенные в декларациях. Производные (конституционные) – закрепленные в конкретной Конституции и получившие государственные гарантии через нормы прямого действия. «Конституционные права не могут не отличаться от основных» [6, с. 45].

Думается, что с указанным делением можно поспорить. Нормативное закрепление основных прав человека в Конституции государства не делает их производными, не устраняет их «неотъемлемости» и не меняет их содержания. Основные права – это и есть конституционные права. Такая трактовка вытекает, например, из совместного анализа статей 17 и 55 Конституции Российской Федерации, где отмечается, что перечисление в Конституции основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина.

Если согласиться с тем, что назначение субъективного права состоит в защите личности от произвола властей, то «естественные, неотъемлемые права» станут выражением противостояния личности любым государственно-властным полномочиям, обеспечивая человеку территорию автономности, на которую не может произвольно претендовать государство [12]. В связи с этим теряет смысл идея о предоставлении государством личности каких-либо возможностей и на первое место выходит идея о том, что именно государство для обеспечения этой автономности должно использовать имеющиеся у него возможности по требованию личности.

В условиях демократического строя «дозволительное» право возможно только в совокупности с существованием «разрешительного» принципа. То есть в отношении личности, объединений действует принцип «дозволено все, что не запрещено законом», а в отношении органов и должностных лиц государства противоположный принцип – «дозволено только то, что прямо разрешено законом. «При этом имея в ряде сфер общественной жизни общее значе-

ние, этот разрешительный принцип, характеризующий типы регулирования, в условиях демократического строя должен обладать исключительным и категорическим действием в отношении всех органов и учреждений государства и должностных лиц. С позиций конституционного права – государственной власти в целом» [1, с. 673–673]. Таким образом, дозволение осуществляется только в отношении полномочий государства на вторжение в права человека, а права лица частного остаются незыблемой «территорией» автономности.

Как считает С. С. Алексеев, «есть серьезные основания в число неотъемлемых прав человека включить, наряду с другими общепризнанными категориями, также “право на право” [1, с. 665]. Полностью поддерживаем данную точку зрения и считаем, что право на ходатайство и жалобу как обязательный элемент «права на право» является неотъемлемым правом человека.

Такой подход подтверждается и при анализе взглядов на содержание основных прав человека, предложенных исследователями в своих классификациях.

Франсуа Люшер систематизирует права человека, выделяя среди прав человека право на неприкосновенность личности, которое, в свою очередь, включает в себя:

1) право на правосудие, состоящее в том числе в праве на:

- свободный доступ к правосудию (на обращение в суд, на наилучшее отправление правосудия, на двухступенчатое судебное разбирательство, на обжалование судебных решений);
- беспристрастного судью (в т. ч. на состоятельность процесса);

2) право на правовую защиту личности, состоящее в том числе в праве на:

- процессуальную защиту;
- защиту от произвола [8, с. 288–291, 300–301, 321–330].

Право на ходатайство и жалобу, как элемент права на свободный доступ к правосудию, беспристрастного судью, процессуальную защиту, защиту от произвола и т.д., является, по этой классификации, составной частью права на неприкосновенность личности.

В классификации прав, предложенной Всеобщей исламской декларацией прав человека, среди задекларированных прав содержится перечень прав, неотъемлемой составной

V. M. Kapitsyn notes that human rights are traditionally divided into primary rights (inalienable, inherent) and acquired rights (civil – enshrined in norms, established as a result of some efforts made). The basic (fundamental) human rights are rights identified by theoreticians and specified in declarations. Derivative (constitutional) human rights are rights enshrined in a constitution and guaranteed by state via direct-acting norms. ‘Constitutional rights cannot but differ from basic ones’ [6, p. 45].

It appears that this division can be disputed. Normative enshrinement of basic human rights in the Constitution of a state does not make them derivative, does not eliminate their ‘inalienability’ and does not change their scope. Basic rights are constitutional rights themselves. This interpretation follows, for example, from a simultaneous analysis of Articles 17 and 55 of the Constitution of the Russian Federation, which note that the listing of basic rights and freedoms provided in the Constitution shall not be interpreted as denial or diminishing of other generally accepted rights and freedoms of person and citizen.

If we accept the thesis that the purpose of a legal right consists in protecting a person against the arbitrariness of authorities, then it turns that ‘natural, inalienable rights’ embody the confrontation between individual and any state powers of authority, providing individual with some territory of autonomy, to which the state cannot claim [12]. Therefore, the idea of the state providing an individual with some opportunities loses its significance, with the idea coming to the fore that, in order to ensure this autonomy, the state uses the possibilities it has at the request of a person.

In a democratic system, a ‘permissible’ right is only possible in combination with the existence of the ‘permissive’ principle. It means that the principle applied to persons and associations is ‘everything which is not forbidden is allowed’, while public authorities and officials are under effect of the opposite principle – ‘only what is expressly permitted by law is allowed’. ‘It is essential

that, having a general meaning in different spheres of social life, this permissive principle, characterizing types of regulation in a democratic system, shall have an exclusive and categorical effect in relation to all public bodies, institutions, and officials. From the position of constitutional law – in relation to state authority as a whole’ [1, pp. 673–673]. Thus, permission only relates to state powers to invade human rights, while rights of a private person remain undeniable territory of autonomy.

In the opinion of S. S. Alekseev, ‘there are compelling reasons to include the ‘right to a right’ among inalienable rights of person, along with other generally accepted categories [1, p. 665]. We totally agree with this position and believe that the right to file motions and complaints as a mandatory element of the ‘right to a right’ is an inalienable right of person.

This approach proves to be correct when analyzing views on the scope of basic human rights suggested by researchers in their classifications.

François Luchaire systematizes human rights, distinguishing among them the right to inviolability of person, which includes:

1) the right to get justice, including the right to:

- free access to justice (to recourse to the courts, to the best administration of justice, to two-stage proceedings, to appealing against court decisions);

- impartial judge (including adversary character of proceedings);

2) the right to legal defense of person, including the right to:

- procedural defense;
- protection against arbitrary behavior [8, pp. 288–291, 300–301, 321–330].

According to this classification, the right to file motions and complaints, as an element of the right to free access to justice, impartial judge, procedural defense, protection against arbitrary behavior etc., is a component of the right to inviolability of person.

In the classification of rights proposed in the Universal Islamic Declaration of Human Rights, among declared rights there is a list of rights an

частью которых является право на ходатайство и жалобу:

«— право на справедливость, то есть на отношение в соответствии с законом; право и обязанность протестовать против несправедливости; право требовать возмещения необоснованного ущерба и справедливого решения независимого суда в споре с органами государственной власти или другим лицом; защищаться против предъявленного обвинения; право и долг защищать любого другого человека или общину; право отказаться выполнить противоречащий Закону приказ, от кого бы он не исходил;

— право на справедливый судебный процесс;

— право на защиту против превышения власти»¹.

По мнению Е. А. Лукашевой, «правовой статус состоит из субъективных, том числе процессуальных прав: на обращение в государственные органы с жалобами и петициями, на защиту своих прав и свобод всеми способами не запрещенными законом, на обращение в суд и др. Однако объективно-правовые принципы этих процедур (административных, судебных, организационных) находятся за пределами субъективных прав, а значит, и правового статуса и являются гарантиями обеспечения этого статуса... В правах и свободах выражена та мера свободы, которая позволяет совмещать ее со свободой других людей. Права человека — это субъективные права, выражающие не потенциальные, а реальные возможности индивида, закрепленные в конституциях и законах» [11, с. 91–95].

Не можем разделить указанное мнение в части определения места процессуальных прав исключительно как гарантий осуществления, средств защиты прав материальных. Правовой статус включает в свое содержание систему прав и обязанностей, законодательно закрепляемых государством. Система прав включает в себя права материальные, безусловно являющиеся предметом защиты и входящие в объем правового статуса, и процессуальные. Последние также и сами по себе являются предметом защиты, имеют самостоятельную ценность для

формирования полноценного процессуального статуса человека. Так, без права на обращение человек не может созывать себя частью государства, вести с ним диалог; право на защиту своих прав определяет место человека в общественном устройстве и возможность участия в разрешении конфликтов и т.д.

Таким образом, не отрицая значения права на ходатайство и жалобу как гарантии реализации материальных прав, хочется подчеркнуть и самостоятельность данного права в ряду неотъемлемых (естественных) прав человека как одной из необходимых составляющих «права на право».

«Практика государств, признающих естественноправовую доктрину происхождения прав человека, отнюдь не отвергает их позитивистского оформления» [11, с. 24]. Позитивное право новой эпохи, вся юридическая система страны призваны по самой своей сути, всем арсеналом своих средств и механизмов стать правом человека в объективном смысле [1, с. 671]. Такое оформление осуществлено на высшем уровне в различных международно-правовых актах, оформляющих правовой статус человека. К действующим в настоящее время и формирующим российскую систему прав человека следует отнести Всеобщую декларацию прав человека 1948 г., Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. и др. Из них особо необходимо отметить Европейскую конвенцию как имеющую четкую систему реализации через Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ). Практика данного суда позволяет яснее понимать содержание каждого из задекларированных прав, подлежащих защите, и всего правового статуса личности, формировать национальную платформу защиты этих прав в рамках единого правового пространства.

В Европейской конвенции закреплены следующие права, обеспечение которых осуществляется в уголовном судопроизводстве посредством права на ходатайство и жалобу:

1. Право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 5 Европейской конвенции), в содержание которого включается право на обжалование любых действий и решений, направленных на ограничение свободы и личной неприкосновенности. Следует отметить, что на-

essential element of which is the right to file motions and complaints:

— the right to fairness, i. e. to attitude in accordance with law; the right and obligation to react against unfairness; the right to seek reimbursement of unreasonable harm and equitable decision of independent court in a dispute with public authorities or another person; the right to defend against the presented accusation; the right and duty to defend any other person or community; the right to refuse to follow the order being contrary to the Law regardless of the issuer;

— the right to fair court procedure;

— the right to defense against excess of power»¹.

In the opinion of E. A. Lukasheva, 'the legal status consists of rights, including procedural ones: to file motions and complaints to state authorities, to protect rights and freedoms by all means not forbidden by the law, to apply to court, etc. However, the objective legal principles of these procedures (administrative, judicial, and managerial) are beyond the scope of rights, and therefore beyond the scope of the legal status, and thus are guarantees of maintaining this status... Rights and freedoms represent the freedom that can be brought in coincidence with freedom of other persons. Human rights are rights expressing not potential but real possibilities of person specified in constitutions and laws' [11, pp. 91–95].

We cannot agree with the cited opinion in the part concerning defining procedural rights as only a guarantee of substantive rights being exercised, only the means of protecting substantive rights. Legal status includes the system of rights and obligations that are legislatively enshrined by state. The system of rights includes substantive rights, undoubtedly being subject to protection and included in the scope of legal status, and procedural rights. Procedural rights are also subject to protection, have an independent significance for the formation of a full procedural status of a person. For example, without the right to apply a person cannot feel a part of the state, communicate with it; the right to protection of

his/her own rights determines the place of a person in the social structure, gives a possibility to participate in resolution of conflicts, etc.

As can be seen from the above, without denying the significance of the right to file motions and complaints as a guarantee of the realization of substantive rights, it is important to emphasize the independence of this right among inalienable (natural) rights of person as one of necessary components of the 'right to a right'.

'The practice of states that acknowledge the natural law doctrine of the human rights origin is far from denying their positivistic formalization' [11, p. 24]. Positive law of the new era and the whole legal system of the state are intended, in accordance with their nature and all their tools and mechanisms, to become law of person [1, p. 671]. Such formalization is carried out at the highest level in various international legal acts establishing the legal status of person. The Universal Declaration of Human Rights (1948), the Convention for Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (1950), the International Covenant on Civil and Political Rights (1966), etc. are valid today and they shape the Russian system of human rights. The European Convention deserves special attention as it has a clear-cut implementation via the European Court of Human Rights. The practice of this court provides a clearer understanding of the scope of each of the declared rights subject to protection and gives understanding of the whole legal status of person, makes it possible to form national systems of protection of these rights as part of a single legal framework.

The European Convention establishes the following rights that can be safeguarded in criminal proceedings via the right to file motions and complaints:

1. The right to freedom and inviolability of person (Article 5), including but not limited to the right to appeal against any actions and decisions aimed at limiting freedom and inviolability of a person. It is worth noting that infringement of this right can be expressed not only in deprivation of freedom but also in carrying out actions, for example, those limiting freedom to move even for a

¹ Всеобщая исламская декларация прав человека: принята Исламским советом Европы 19.09.1981 г. в Париже. URL: <https://www.worldislamlaw.ru/?p=2671>.

¹ Universal Islamic Declaration of Human Rights. Adopted on September 19, 1981 by the Islamic Council of Europe in Paris. Available at: <https://www.worldislamlaw.ru/?p=2671>.

рушение данного права может быть выражено не только в лишении свободы, но и в действиях, например, по ограничению свободы передвижения даже на непродолжительный период (См.: постановление Европейского Суда по жалобам № 11436/06 и 22912/06 «Митянин и Леонов против Российской Федерации» (вынесено 7 мая 2019 г., вступило в силу 7 августа 2019 г.).

Одной из гарантий, направленных на защиту личной свободы, является принцип «равенства оружия» – один из основных инструментов прав, свойственных процедуре судебного рассмотрения, согласно Конвенции [21, p. 517]. Данный принцип последовательно реализуется с помощью права на ходатайство и жалобу. В российском законодательстве именно право на судебное обжалование решений о заключении под стражу положило начало формированию современного института ходатайств и жалоб. В обоснование своей точки зрения в состязательном судебном процессе по вопросу применения мер пресечения стороны используют право на ходатайство о проведении следственных действий, приобщении доказательств, право на обжалование решения о привлечении лица в качестве обвиняемого, квалификации деяния по конкретной статье УК РФ и т.д.

Входит в содержание рассматриваемого права и право на оперативное рассмотрение судом жалобы на уголовно-процессуальное решение, повлекшее лишение свободы [23]. Так, согласно постановлению ЕСПЧ по жалобе № 33938/08 «Андрущенко против Российской Федерации» (вынесено и вступило в силу 24 марта 2020 года), рассмотрение жалобы на заключение под стражу в течение 32 дней явилось нарушением пункта 3 статьи 5 Европейской конвенции. Таким образом, в состав права на свободу и личную неприкосновенность включается право на обжалование решения о лишении свободы, корреспондирующее с обязанностью процессуальных органов своевременно рассмотреть ее по существу.

2. Право на справедливое судебное разбирательство (ст. 6 Европейской конвенции), имеющее довольно сложный состав.

Составной частью права на справедливое судебное разбирательство, согласно установившейся практике Европейского Суда, является право на доступ к правосудию. В отсутствие самого судебного разбирательства нет возможно-

сти реализовать такие необходимые характеристики процесса, как справедливость, публичность, динамизм. Поэтому право требования доступа к правосудию посредством заявления ходатайств и жалоб является частью права на доступ к правосудию.

Составным элементом понятия «справедливое судебное разбирательство» является принцип состязательности и равенства процессуальных возможностей сторон и роль суда как независимого арбитра, одинаково тщательно прислушивающегося к аргументам обеих сторон [24, pp. 276–280]. У суда данные аргументы появляются посредством заявления ходатайств, которые должны быть обоснованно разрешены.

Так, ЕСПЧ в своем постановлении по жалобе № 29842/11 «Масленников против Российской Федерации» (вынесено и вступило в силу 8 октября 2019 г.) указал на нарушение пункта 1 статьи 6 Европейской конвенции действиями суда, выразившимися в отсутствии оценки доводов лица о его невиновности, заявленных при приобщении к делу доказательств и отсутствии мотивированного решения по поводу игнорирования доказательств, приобщенных к делу по ходатайству стороны. В постановлении Европейского Суда по жалобе № 2992/06 «Белугин против Российской Федерации» (вынесено 26 ноября 2019 г., вступило в силу 26 февраля 2020 г.) установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с тем, что ходатайство заявителя об объявлении его признательных показаний неприемлемыми не являлось предметом полного, независимого и тщательного рассмотрения и оценки судом первой инстанции. В постановлении Европейского Суда по правам человека по жалобе № 48364/11 «Проскурников против Российской Федерации» (вынесено и вступило в силу 1 сентября 2020 г.) указано, что необоснованное отклонение ходатайства стороны защиты о проведении судебной экспертизы и использование в качестве обоснования вины выводов, сделанных в заключении эксперта – сотрудника правоохранительных органов, является нарушением права на справедливое судебное разбирательство. Заявитель не мог оспорить заключение судебной экспертизы, представленное стороной обвинения. В результате отказа в удовлетворении ходатайства он был лишен возможности представить аргументы в свою защиту на тех же условиях, что и сторона обвинения.

short period of time (see: Judgment of the European Court in the case ‘Mityanin and Leonov v the Russian Federation’ (applications Nos. 11436/06 and 22912/06; the judgment was issued on May 7, 2019, came into force on August 7, 2019).

One of the guarantees aimed at protecting personal freedom is the principle of ‘equality of arms’, which is one of the basic instruments of law inherent in the judicial examination procedure in view of the Convention [21, p. 517]. This principle is successively implemented via the right to file motions and complaints. In Russian legislation, it was namely the right to complain to court against decisions on confinement that laid the foundation for the formation of the modern institution of motions and complaints. To validate their viewpoint in adversarial proceedings in the matter of applying preventive measures, the parties use the right to file motions for carrying out investigative activities, submission of evidence, the right to appeal against the decision to involve a person as a defendant, decision to qualify an act under a certain article of the Criminal Code of the Russian Federation, etc.

The scope of the right in question also includes the right to expeditious consideration by court of complaints against criminal procedure decisions resulting in confinement [23]. For example, in accordance with the judgement of the European Court of Human Rights on complaint No. 33938/08, case ‘Andrushchenko v the Russian Federation’ (was issued and came into force on March 24, 2020), consideration of a complaint against confinement during 32 days was a breach of Item 3 of Article 5 of the European Convention. Thus, the scope of the right to freedom and inviolability of person includes the right to appeal against decisions on confinement, which corresponds with the obligation of procedural authorities to evaluate the complaint in substance in due time.

2. The right to a fair trial (Article 6 of the European Convention), which has a complex composition.

In accordance with the established practice of the European Court, the right to access to justice is an element of the right to a fair trial. If there are no trial, there will be no opportunity to implement ne-

cessary characteristics of the procedure such as equity, publicity, and dynamism. That is why the right to demand access to justice via filing motions and complaints is part of the right to access to justice.

The concept of a ‘fair trial’ comprises as its elements the adversarial principle, the principle of equality of procedural opportunities of the parties, and the role of court as an independent arbitrator that is equally thoroughly receptive to arguments of both parties [24, pp. 276–280]. Court receives these arguments via motions filed, and these motions shall be reasonably resolved.

For example, the European Court of Human Rights in its judgement on complaint No. 29842/11, case ‘Maslennikov v the Russian Federation’ (was issued and came into force on October 8, 2019) pointed out a breach of Item 1 of Article 6 of the European Convention by the actions of the court consisting in the absence of assessment of arguments provided by the person in favor of his innocence and the absence of a motivated decision concerning the disregard for evidence included in the case upon a motion of the party. Judgement of the European Court on complaint No. 2992/06, case ‘Belugin v the Russian Federation’ (was issued on November 26, 2019 and came into force February 26, 2020) pointed out a breach of Item 1 of Article 6 of the Convention in connection with the fact that the applicant’s motion related to declaring his admissions to be unacceptable was not fully, independently and thoroughly considered and assessed by first instance court. Judgement of the European Court on complaint No. 48364/11, case ‘Proskurnikov v the Russian Federation’ (was issued and came into force on September 1, 2020) pointed out that unreasonable dismissal of the motion filed by the defense party for carrying out forensic examination and also the use of conclusions provided in the report of the expert witness (being a law-enforcement officer) as grounds of guilt was infringement of the right to a fair trial. The applicant was not able to dispute the results of forensic examination provided by the prosecution. As a result of refusal to satisfy the motion, he was not able to provide affirmative arguments on the same terms as the prosecution.

Данные решения указывают на содержание в праве на справедливое судебное разбирательство права на заявление ходатайств и жалоб. Нарушение корреспондирующей с ним обязанности на рассмотрение этих обращений по существу расценивается как нарушение права на справедливое судебное разбирательство.

3. Право на эффективное средство правовой защиты (ст. 13 Европейской конвенции).

Статья 13 определяет принципиальный подход создателей Европейской Конвенции и позицию Европейского Суда по вопросу осуществления субъективного права на защиту от противоправных покушений на права и свободы, защищаемые Конвенцией со стороны государств-участников. Рассматриваемая статья рассчитана на ситуацию, когда предполагаемое нарушение прав и свобод имело место со стороны публичных властей [20]. В большей мере данное право носит процессуальный характер, закрепляет и гарантирует право подачи жалобы в компетентную национальную инстанцию, а также право на позитивное требование о совершении действий (бездействия) и принятии решений, направленных на соблюдение прав обратившегося. В связи с этим нарушение статьи 13 Европейской конвенции, как правило, оценивается ЕСПЧ не отдельно от нарушений других статей, а как сопутствующее иным нарушениям.

Данное право не подразумевает под собой право на обращение в суд. Оно вытекает из других статей Европейской конвенции. Рассматриваемое право побуждает создать систему национальных инстанций, обеспечивающих рассмотрение ходатайств и жалоб по существу, и правомочных при удовлетворении обращения восстановить права, нарушенные при официальной (в нашем случае – уголовно-процессуальной) деятельности органов и должностных лиц государства. Причем данная система должна быть комплексной, так как единичные инстанции не могут полноценно обеспечить эффективную правовую защиту. В компетенцию же суда не входит надзор за функционированием данной системы по существу. Суд становится частью этой системы только при обращении к нему за судебной защитой. Такое разделение необходимо, дабы не смешивать функции суда и иных государственных органов и обеспечить независимость суда в вопросах обеспечения прав и свобод человека.

Как видно, указанная норма является системообразующей для организации и функционирования механизма реализации права на ходатайство и жалобу в рамках уголовно-процессуальной деятельности.

4. Статья 14 Европейской конвенции декларирует запрещение дискриминации.

Она не имеет самостоятельного значения в том смысле, что гарантирует всем равное пользование правами и свободами только в тех случаях, когда речь идет о правах и свободах, предусмотренных Европейской конвенцией [22]. Поэтому, как и в отношении статьи 13, ее нарушение ЕСПЧ, как правило, отдельно от нарушений других статей не оценивает, а определяет как сопутствующее.

Дискриминация не тождественна неравенству и оценивается в качестве таковой при наличии хотя бы одного из критериев:

- 1) отсутствуют объективное и разумное объяснение неравенства;
- 2) власти предприняли неправомерные меры;
- 3) использованы средства, несоразмерные преследуемой цели;
- 4) одинаковое отношение к лицам, находящимся в различных ситуациях без объективного и разумного основания.

Право на отсутствие дискриминации гарантирует одинаковое отношение к рассмотрению различных правовых вопросов в схожих ситуациях и отсутствие произвольного усмотрения к защите права с свобод в зависимости от характеристик лиц, обращающихся за защитой. Эти положения лежат в основе «всеобщности» права на ходатайство и жалобу, присущего национальному законодательству Российской Федерации. Любые лица, чьим правам и законным интересам причинен ущерб в результате уголовно-процессуальной деятельности, являются субъектами права на ходатайство и жалобу.

Таким образом, право на ходатайство и жалобу, как неотъемлемое право человека, закрепленное в международных актах по правам человека, в уголовном процессе Российской Федерации реализуется, прежде всего, через реализацию принципа права на обжалование процессуальных действий и решений [18, р. 148]. Большинство из «правоохранительных» принципов являются прямым способом реализации конституционно закрепленных прав в

These decisions indicate the presence of the right to file motions and complaints within the scope of the right to a fair trial. Breach of the obligation to evaluate these applications in substance, corresponding with the right to file motions and complaints is regarded as infringement of the right to a fair trial.

3. The right to an effective remedy (Article 13 of the European Convention).

Article 13 determines the principal approach of the creators of the European Convention and the position of the European Court in the matter of realizing the right to protection against unlawful attempts to infringe rights and freedoms protected by the Convention on the part of member states... This article applies to a situation when alleged infringement of rights and freedoms has been committed by persons acting in an official capacity [20]. To a greater extent, this right is of a procedural nature, it secures and guarantees the right to file complaints to a competent national body and also the right to positive request to perform actions (inaction) and to make decisions aimed at respecting the applicant's rights. Therefore, breach of Article 13 of the European Convention, as a rule, is not estimated by the European Court of Human Rights distinctly from breaches of other articles but is estimated as concurrent with other breaches.

This right does not involve the right to apply to court. It results from other articles of the European Convention. The considered right prompts the creation of a system of national bodies ensuring evaluation in substance of motions and complaints that would be competent to restore rights (if the application is satisfied) infringed in course of official activity (in our case – criminal procedure activity) of state authorities and officials. This system shall be complex because single bodies would not be able to fully provide efficient legal protection. Essential supervision of the functioning of this system does not fall within court competence. Court becomes part of this system only if a person applies for judicial protection. Such division is necessary not to mix functions of court and other state authorities and to ensure independence of court in matters of upholding rights and freedoms of person.

As is obvious, the specified norm is the core for the creation and functioning of the mechanism of realizing the right to file motions and complaints within the framework of criminal procedure activity.

4. Article 14 of the European Convention declares prohibition of discrimination.

It does not have an independent significance in the sense that it guarantees equal rights and freedoms to all only in cases that are concerned with rights and freedoms specified in the European Convention [22]. That is why (in the same way as it is in relation to Article 13) the European Court of Human Rights, as a rule, does not estimate it distinctly from breaches of other articles but estimates it as concurrent with other breaches.

Discrimination is not identical with inequality and is regarded as such provided there is even one of the following criteria:

- 1) there is no objective and reasonable explanation of inequality;
- 2) authorities took unlawful measures;
- 3) there were used means disproportionate with the pursued purpose;
- 4) there is equal attitude towards persons being in different situations without objective and reasonable grounds.

The right to nondiscrimination guarantees equal attitude towards consideration of different legal issues in the same situations and absence of volitional judgement on the protection of rights and freedoms depending on the characteristics of persons who apply for protection. These conditions are the basis for the 'generality' of the right to file motions and complaints inherent in the national legislation of the Russian Federation. Any persons whose rights and lawful interests are infringed as a result of criminal procedure activity are have the right to file motions and complaints.

As can be seen from the above, the right to file motions and complaints, being an inalienable right of person established in international acts on human rights, in criminal procedure of the Russian Federation, is exercised primarily through the realization of the right to appeal against procedural actions and decisions [18, p. 148]. Most of the 'law-enforcement' principles are a direct way of realizing rights formalized in the Constitution within the framework of criminal procedure activity.

рамках уголовно-процессуальной деятельности, однако право на обжалование процессуальных действий и решений не указано напрямую в Конституции РФ.

Принцип права на обжалование процессуальных действий и решений: содержание и место в системе принципов уголовного процесса

Интересно, что данный принцип в качестве самостоятельного не называет С. С. Безруков, предлагая, наряду с принципами судостроительными, выделить «презумпцию невиновности» [4], «состязательность» и «обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства» в качестве принципов «правоохранительных». Также указанный принцип не рассматривается авторами монографии «Принципы российского уголовного судопроизводства: содержание и проблемы реализации» [12]. Все это говорит о недостаточной ясности в вопросе о самостоятельности данного принципа и его значении для уголовного процесса.

Поэтому вслед за решением вопроса о том, что право на ходатайство и жалобу является неотъемлемым правом человека, закрепленным в международных правовых актах, необходимо определиться, является рассматриваемый принцип конституционным или нет, и в какой части.

Статья 33 Конституции РФ провозглашает право граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления. В содержание данного права, как правило, включается возможность обращения в любой государственный орган с предложением, заявлением, ходатайством или жалобой. Данная норма регулирует право на обращение в наиболее общей форме, которая затем конкретизируется в том числе и в особых видах обращений, упомянутых в Конституции, например в судебном обжаловании (ст. 46 Конституции РФ) и конституционном обжаловании (ст. 125 Конституции РФ).

Представляется, что связь между данным конституционным положением и правом на ходатайство и жалобу в уголовном процессе достаточно опосредованная. Задекларированное в статье 33 Конституции РФ право на обращение реализуется в настоящее время по-

средством регулирования, определенного, прежде всего, ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ. И довольно часто уголовно-процессуальный порядок работы с жалобами подменяется вышеуказанным порядком. Так, жалобы, поданные прокурору в порядке статьи 124 УПК РФ, часто рассматриваются в порядке вышеуказанного ФЗ. Верховный Суд РФ в кассационном определении от 21 октября 2020 г. № 81-КАД20-4-К8 указал, что в порядке статьи 124 УПК РФ жалобы рассматриваются только прокурором, непосредственно осуществляющим надзор за предварительным расследованием, а вышестоящий прокурор рассматривает их уже в порядке ФЗ № 59.

Сравнение вышеуказанного закона и норм УПК РФ показывает гораздо более высокий уровень защиты прав и свобод человека при процедуре обжалования, предусмотренной УПК РФ. Несопоставимы сроки рассмотрения жалобы. Ответ на жалобу, поданную прокурору в порядке статьи 124 УПК РФ и рассмотренную в порядке вышеуказанного закона, не облекается в форму постановления и к нему не предъявляются требования статьи 7 УПК РФ о его законности, мотивированности и обоснованности. Часто жалоба, оцененная как не уголовно-процессуальная, перенаправляется прокурором в орган, на действия и решения которого она подана.

Так, по поданной в порядке статьи 124 УПК РФ жалобе на бездействие сотрудников ОМВД по Ленинскому району г. Ульяновска по заявлению о совершении преступления, заявителем был получен ответ о том, что «заявление» (хотя была подана жалоба) направлено в орган, чье бездействие обжаловалось, с требованием обеспечить надлежащий ведомственный контроль за проведением доследственной проверки и принятием по ее результатам законного и обоснованного решения. Также в ответе содержалось разъяснение о том, что срок проверки по заявлению о совершении преступления был продлен до 10 суток¹. Жалоба прокурору того же Ленинского района г. Ульяновска на незаконные действия и бездействия по уголовному делу, расследованному следователем СУ СК РФ по Ленинскому рай-

¹ Материал № 3766 от 13.02.2021 г. // Архив ОМВД по Ленинскому району г. Ульяновска.

ty. However, the right to appeal against procedural actions and decisions is not expressly specified in the Constitution of the Russian Federation.

The Principle of the Right to Appeal Against Procedural Actions and Decisions: the Scope and Place in the System of Criminal Procedure Principles

It is interesting that S. S. Bezrukov does not identify this principle as independent. Alongside with judicial principles, he suggests distinguishing ‘presumption of innocence’ [4], ‘adversarial character’ and ‘upholding of constitutional rights and freedoms of persons involved in criminal proceeding’ as ‘law-enforcement’ principles. The specified principle is also not considered by the authors of the monography *Principles of Russian Criminal Proceedings: Content and Implementation Issues* [12]. All this demonstrates the lack of clarity with regard to the independence of this principle and its significance for criminal procedure.

That is why, after concluding that the right to file motions and complaints is an inalienable right of person enshrined in international legal acts, it is necessary to determine whether the considered principle is constitutional, and in what part.

Article 33 of the Constitution of the Russian Federation declares the right of citizens to appeal to public authorities and local governmental bodies. The scope of this right, as a rule, is considered to include the possibility to apply to any government body with a suggestion, application, motion, or complaint. This norm regulates the right to appeal in its general sense. It is further detailed, including in specific types of complaints indicated in the Constitution, for example, in a judicial complaint (Article 46 of the Constitution of the Russian Federation) and constitutional complaint (Article 125 of the Constitution of the Russian Federation).

The relation between this constitutional provision and the right to file motions and complaints appear to be indirect in criminal procedure. At the moment, the right to apply declared in Article 33 of the Constitution of the Russian Federation is implemented via regulation specified, first of all, in the Federal Law No. 59-FZ of May 2, 2006 ‘On the Procedure for Consideration of Applications from Citizens of the Russian Federation’. It is quite often that the criminal procedure mechanism for considering complaints is substituted with the ab-

ovementioned procedure. For example, complaints filed to procurators under Article 124 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are often considered in accordance with the procedure established in the abovementioned federal law. In its cassation ruling No. 81-KAD20-4-K8 of October 21, 2020, the Supreme Court of the Russian Federation stated that complaints are considered in accordance with Article 124 of the Criminal Procedure Code only by procurators who directly supervise pre-trial investigation, while superior procurators consider them in accordance with Federal Law No. 59.

Comparison of the abovementioned law and norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation shows incomparably higher level of protection of rights and freedoms under the appeal procedure specified in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The time limits for the consideration of complaints are incomparable. A response to a complaint filed to a procurator in accordance with Article 124 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and considered under the procedure of the abovementioned law does not take a form of ruling, and the requirements of Article 7 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation concerning its validity, motivation and relevance are not applied to it. Often complaints not estimated as criminal procedure ones are sent by procurators to the responding authority.

For example, after making a complaint filed in accordance with Article 124 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation against inaction of the Department of the Ministry of Internal Affairs for Leninsky district of Ulyanovsk city with regard to an application concerning commission of a crime, the applicant received a response that the ‘application’ (although the document lodged was not an application but a complaint) had been sent to the body whose inaction had been complained of with the request to ensure due institutional control over pre-investigative check and taking a lawful and reasonable decision following its results. The response also included clarification of the fact that the term of the check under the application concerning commission of a crime had been extended to 10 days.¹ A complaint filed to the

¹ Material No. 3766 of February 13, 2021. Archive of the Department of the Ministry of Internal Affairs of the Leninsky district of Ulyanovsk city.

ону г. Ульяновска, также была рассмотрена в порядке ФЗ № 59 и перенаправлена руководителю СУ СК РФ по Ленинскому району г. Ульяновска с указанием разобраться самостоятельно¹.

Как видно из указанных примеров, возможность двойных стандартов при работе с жалобами по уголовному делу, как правило, ведет к избранию пути наименьшего сопротивления, который одновременно является и путем наименьшего обеспечения гарантий прав лиц, вовлекаемых в уголовный процесс.

Анализируя вышеуказанное, следует сказать, что реализация статьи 33 Конституции РФ осуществляется не в рамках особых процедур, предусмотренных в отдельных отраслях процессуального права, в частности в уголовном процессе, и без дополнительных гарантий, предусмотренных в рамках этих отраслей. Определенное самостоятельное значение право петиций получает тогда, когда из него следуют дополнительные охранительные функции, которые не предусмотрены одной лишь свободой выражения мнения. Право петиций не является обычным правовым средством. Оно не обеспечивает прав сторон. Так, автор обращения не может требовать от властей ответа на его обращение или иное выражение их позиции.

Таким образом, следует отметить, что уголовно-процессуальное право на ходатайство и жалобу, закрепленное в рассматриваемом принципе, не является реализацией положений статьи 33 Конституции РФ. Конституционно закрепленное право на «петицию» в рамках уголовно-процессуальной деятельности скорее конфликтует с уголовно-процессуальным правом на обжалование, чем реализуется через него.

Конституционный суд Российской Федерации связывает право на судебное обжалование действий и решений, нарушающих права лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, со статьей 46 Конституции РФ. Аналогичного мнения придерживается и большинство исследователей. Несмотря на то что данное конституционное положение касается только судебной защиты, полагаем, что вся система защиты прав и свобод человека в уголовном процессе является реализацией в том числе и

именно этой конституционно установленной гарантии. Следует согласиться с позицией И. Н. Кондрата в части того, что «необходимым условием эффективности судебной системы, которая должна обеспечить судебную защиту прав человека, является наличие научно разработанных и закрепленных в нормах права гарантий этой защиты в форме принципов правосудия (судопроизводства). Такие принципы нашли отражение и закрепление в Конституции РФ (ст. 10, 47, 50–52, 118–124) а также в ФКЗ «О судебной системе РФ»» [7, с. 33].

Судебный контроль является неотъемлемой составной частью механизма достижения назначения уголовного судопроизводства и элементом процессуальной формы, его обеспечивающей. При этом судебный контроль направлен на защиту тех прав и свобод, которые в ходе уголовного судопроизводства затрагиваются невосполнимо и требуют немедленного восстановления в ходе их нарушения.

Однако та же статья 46 Конституции (особенно в совокупности со ст. 47 Конституции РФ) так же говорит о доступности судебной защиты прав для каждого. В связи с этим любые действия и решения процессуальных органов, препятствующие в конечном итоге реализации права на судебную защиту, должны иметь гарантию оспаривания, а действия, не совершаемые для этого, должны быть гарантированно затребованы. Поэтому гарантия судебного обжалования является «вершиной» общей гарантии на доступ к правосудию, механизм которой включает в себя также и процессуальный контроль и процессуальный надзор. Можно заключить: право на ходатайство и жалобу вообще, а не только на судебное обжалование, является реализацией гарантии на судебную защиту, закрепленной в статье 46 Конституции РФ, а принцип права на обжалование процессуальных действий и решений имеет конституционные корни.

Закрепленное в статье 46 Конституции право является частным случаем и развитием права, предусмотренного статьей 45 Конституции РФ. Право на государственную защиту прав и свобод человека и гражданина всеми способами, на запрещенными законом, находит свою реализацию в том числе и в праве на требования к уголовно-процессуальным органам и лицам о совершении действий, защищающих

procurator of the Leninsky district of Ulyanovsk city against illegal actions and inaction under a criminal case investigated by the investigator of the Criminal Investigation Division of the Investigating Committee of the Russian Federation for the Leninsky district of Ulyanovsk city was also considered in accordance with procedure of the Federal Law No. 59 and sent to the Chief of the Criminal Investigation Division with the instruction that they shall deal with it independently¹.

As can be seen from the examples provided, a possibility of double standards when working with complaints under a criminal case, as a rule, leads to choosing the path of least resistance, which is simultaneously a path of providing the least scope of guarantees for rights of persons involved in criminal procedure.

Analyzing the abovementioned, we should note that implementation of Article 33 of the Constitution of the Russian Federation is carried out outside the framework of special procedures provided in separate spheres of procedural law, particularly in criminal procedure, and without any additional guarantees provided within the framework of these spheres. The right to file petitions receives a certain independent significance when it is a basis for additional protective functions which are not provided by only freedom of expression. The right to file petitions is not a usual legal tool. It does not uphold rights of the parties. For example, an applicant cannot demand from authorities a response to his/her application or any other expression of their position.

Thus, it should be noted that the criminal procedure right to file motions and complaints, enshrined in the considered principle, is not an implementation of provisions of Article 33 of the Constitution of the Russian Federation. The constitutionally enshrined right to file a 'petition' within the framework of criminal procedure is more likely to be in conflict with the criminal procedure right to appeal than to be implemented through it.

The Constitutional Court of the Russian Federation connects the right to judicial appeal against actions and decisions infringing rights of persons involved in criminal proceedings with Article 46 of

the Constitution of the Russian Federation. Most researchers adhere to this point of view. Although this constitutional provision relates only to judicial protection, we suppose that the whole system for protecting rights and freedoms of person in criminal procedure is an implementation of this very guarantee enshrined in the Constitution. We should agree with the opinion of I. N. Kondrat in the part that 'the necessary condition for the effectiveness of the judicial system which shall ensure judicial protection of human rights is the availability of guarantees of this protection in the form of principles of justice (proceedings) scientifically developed and enshrined in legal norms. These principles are reflected and enshrined in the Constitution of the Russian Federation (Articles 10, 47, 50–52, 118–124) and in the Federal Constitutional Law 'On the Judicial System of the Russian Federation' [7, p. 33].

Judicial review is an integral part of the mechanism of achieving the purpose of criminal proceedings and an element of the procedural form that ensures it. Judicial review is aimed at protecting rights and freedoms affected in course of criminal proceedings and need to be immediately restored.

However, Article 46 of the Constitution (especially taken in combination with Article 47) declares availability of judicial protection of rights for everyone. Therefore, any actions and decisions of procedural authorities preventing eventual implementation of the right to judicial protection shall have a guarantee of being disputed, while actions not carried out for that shall be subject to guaranteed request. That is why the guarantee of judicial appeal is the 'top' of the general guarantee of access to justice, the mechanism of which also includes procedural control and procedural oversight. This reasoning gives us a possibility to conclude that the right to file motions and complaints in general (not only the right to judicial appeal) is an implementation of the guarantee of the right to judicial protection established in Article 46 of the Constitution of the Russian Federation, while the principle of the right to appeal against procedural actions and decisions runs deep in the Constitution.

The right enshrined in Article 46 of the Constitution of the Russian Federation is a special case and represents development of the right provided in Article 45 of the Constitution. The right to state

¹ Уголовное дело № 12001730032001219 // Архив СО по Ленинскому району г. Ульяновска СУ СК РФ по Ульяновской области.

¹ Criminal case No. 12001730032001219. Archive of the Investigation Branch for the Leninsky district of Ulyanovsk city of the Criminal Investigation Division of the Investigative Committee of the Russian Federation of the Ulyanovsk region.

права обратившегося (или лица, в отношении прав которого требование высказано). В отличие от статьи 33 Конституции РФ гарантия на защиту прав и свобод посредством государственной власти предполагает реакцию на обращения не путем «принятия» и «рассмотрения», а путем «разрешения», что приводит к восстановлению нарушенных прав и защите прав, «предрасположенных» к нарушению.

Статья 45 Конституции гарантирует выбор правовых средств защиты при отсутствии запрета на их использование. Реализуя данное положение, УПК РФ предусматривает в качестве механизмов, обеспечивающих государственную защиту, ведомственный контроль, прокурорский надзор и судебный контроль. Прописанный регламент разрешения жалоб и ходатайств и полномочия процессуальных органов и лиц по удовлетворению заявленных требований являются необходимыми элементами механизма реализации рассматриваемой гарантии. Также реализацией конституционного положения является установленная УПК РФ «свобода обжалования», т. е. включение в перечень лиц, имеющих право на использование рассматриваемых средств, не только лиц, обладающих определенным процессуальным статусом, но и иных, чьи права и законные интересы затрагиваются процессуальными действиями (бездействием) и решениями по уголовному делу. Причем такая свобода предоставлена не только в отношении подачи жалоб, но и в отношении ходатайств, что дополнительно подчеркивает единство указанных средств и их равное место в содержании принципа права на обжалование.

Положения статей 49–52, 118–124 Конституции РФ гарантируют справедливое судебное разбирательство, которое невозможно без активного участия в нем всех заинтересованных лиц. Особое место в ряду этих норм занимает право на состязательное правосудие, обозначенное в части 3 статьи 123 Конституции РФ.

Состязательная модель уголовного судопроизводства играет «роль эталона, своего рода критерия демократичности, цивилизованности и справедливости судопроизводства» [14, с. 18]. Такое значение этой категории позволяет некоторым исследователям выносить его на более высокий, по отношению к принципам, уровень (например, типа процесса) в связи с тем, что она в полном объеме проявляется через реали-

зацию всех нормативно закрепленных принципов. Право на состязательное судопроизводство реализуется путем предоставления сторонам равных прав на достижение искомого материального результата по уголовному делу. Оно прежде всего проявляется в судебных стадиях, где как сторона обвинения, так и сторона защиты представляют суду свои доказательства. Общение с судом обеих сторон осуществляется посредством заявления ходатайств. Стороны равны в праве требовать производства судебных действий. При этом следует отметить, что сторона обвинения свои доказательства представляет в суд заранее, обозначив в обвинительном заключении (акте, постановлении) фактическую основу преследования. Сторона защиты не должна этого делать, но имеет право ходатайствовать о допросе лиц, явившихся в судебное заседание (свидетелей, специалистов). Именно право на заявление такого рода ходатайств и возложенная на суд обязанность их удовлетворять создают основы для состязательного судебного процесса.

На досудебных стадиях также задекларировано право на заявление ходатайств, связанных с доказыванием, обязательных к удовлетворению (ст. 159 УПК РФ), однако отсутствие четко прописанной обязанности их удовлетворять позволяет следователю отказывать в этом, ссылаясь исключительно на свою самостоятельность при производстве предварительного расследования. При этом только наличие права на ходатайство и жалобу позволяет лицам, вовлеченным в уголовное судопроизводство, хоть каким-либо образом участвовать в состязании и на досудебном производстве. Это говорит о том, что уголовно-процессуальный принцип, закрепляющий право на обжалование процессуальных действий и решений, является элементом механизма реализации конституционного принципа состязательности.

Особо скажем о месте рассматриваемого принципа в реализации положений статьи 10 Конституции РФ. Принцип разделения властей, как основа организации государственной власти, лежит в основании многосубъектного построения механизма реализации права на обжалование. Разные ветви власти, имеющие различные интересы и задачи исследуют вопросы, ставящиеся перед ними в связи с необходимостью реализации частным лицом своего уголовно-

protection of rights and freedoms of person and citizen by all legal means not forbidden by law is implemented in the right to request that criminal procedure authorities and persons take actions protecting rights of the applicant (or the person whose rights are the subject of the request). In contrast to Article 33 of the Constitution of the Russian Federation, the guarantee for the protection of rights and freedoms by public authorities implies reaction to applications not in the form of ‘acceptance’ and ‘consideration’ but in the form of ‘permission’. This leads to restoration of infringed rights and protection of rights ‘predisposed’ to infringement.

Article 45 of the Constitution guarantees the possibility of selecting any legal remedies provided there is no prohibition on their use. By implementing this provision, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation ensures institutional control, the procurator’s supervision, and judicial review as mechanisms of state protection. The prescribed procedure for dealing with motions and complaints and the powers of procedural bodies and persons related to satisfaction of stated claims are necessary elements of the mechanism for implementing the considered guarantee. One more implementation of the constitutional provision is ‘freedom to complain’ established in the Criminal Procedure Code, which means that the range of persons entitled to use the considered tools includes not only persons having a specific procedural status but also other persons whose rights and lawful interests are affected by procedural actions (inaction) and decisions under the criminal case. Interestingly, this freedom is provided with regard to not only complaints but also motions, which emphasizes the unity of the specified tools and their equality within the scope of the principle of the right to appeal.

Provisions of articles 49–52, 118–124 of the Constitution of the Russian Federation guarantee a fair trial, which is impossible without active participation of all interested parties. The right to adversarial justice specified in Item 3 of Article 123 of the Constitution holds a special place among these norms.

The adversarial model of criminal proceedings plays the ‘role of somewhat of a criterion of the democratic nature, civility and justice of proceedings’ [14, p. 18]. Some researchers consider it to be at a higher level (for example the level of the

type of process) in relation to principles since this model is implemented in full through the realization of all statutory principles. The right to adversarial proceedings is implemented through providing the parties with equal rights to achieve the desired material result under the criminal case. It is primarily manifested at the court stages where both the prosecution and the defense provide evidence to court. Both parties communicate with court via filing motions. The parties are equal in their right to demand judicial actions to be carried out. It is noteworthy that the prosecution provides evidence to court beforehand, specifying factual basis of prosecuting in the letter of accusation (act, ruling). The defense shall not do this, but is entitled to file motions for questioning persons present at proceedings (witnesses, experts). They are the right to file such motions and the obligation to satisfy them imposed on court that provide basis for adversarial proceedings.

At pre-litigation stages, there is also declared the right to file motions connected with proving and mandatory for being satisfied (Article 159 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). However, the absence of clearly defined obligation to satisfy them gives the investigator an opportunity to refuse referring exclusively to his/her independence when carrying out pre-trial investigation. Even with all the things considered, only availability of the right to file motions and complaints gives persons involved in criminal proceedings a possibility to somehow participate in the dispute and pre-trial procedure. This allows us to say that the criminal procedure principle establishing the right to appeal against procedural actions and decisions is an element of the mechanism for implementing the constitutional adversarial principle.

Particular attention should be paid to the place of the considered principle in the implementation of provisions of Article 10 of the Constitution of the Russian Federation. The principle of the separation of powers, as a basis of organizing state authority, underlies the multi-party principle of the mechanism of implementing the right to appeal. Different branches of power, obviously having different interests and tasks, apply different angles to approach issues raised before them in connection with the realization of a private person’s criminal procedure interest. This provides maximum possi-

процессуального интереса, с разных точек зрения. Это обеспечивает максимально возможную «объективизацию» окончательного решения через практику нескольких субъектов – лица, заявляющего требование, его разрешающего, контролирующего и надзирающего. Таким образом, наличие различных форм контроля (ведомственный и судебный) и надзора (прокурорский), несомненно, является следствием реализации в уголовном процессе вышеозначенных конституционных положений.

Также интересна связь рассматриваемого принципа уголовного судопроизводства с конституционным принципом равенства (ст. 19 Конституции РФ). Этим принципом гарантируется одинаковое рассмотрение схожих дел во всех сферах государственной деятельности. Одним из проявлений данного принципа является «запрет произвола», составной частью которого является запрет произвола в применении права. Произвол в контексте рассматриваемого права выражается в очевидном ошибочном применении права либо в несправедливых последствиях правильного правоприменения. Таким образом, необоснованное, незаконное решение, принятое в результате нарушения процессуального или материального права, нарушает запрет произвола. Гарантией от таких нарушений и средством восстановления нарушенных прав в уголовном процессе является право на ходатайство и жалобу.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что принцип права на обжалование процессуальных действий и решений является важнейшей гарантией достижения назначения уголовного судопроизводства, обязательной составной частью уголовно-процессуальной формы. Принцип базируется на конституционно установленных положениях о равенстве всех перед законом, состязательности уголовного процесса, доступности для всех справедливого судебного разбирательства, государственной и судебной защиты.

Место права на ходатайство и жалобу в уголовно-процессуальных правоотношениях

Процессуальная форма находит свое выражение в системе действий уполномоченных органов на досудебных стадиях и суда на судебном производстве, а также лиц, вовлекае-

мых в процесс. Реализация уголовно-процессуальных принципов осуществляется через действия процессуальных органов и лиц. Основание производства любого действия – решение, причем независимо от того, выражено оно в письменной форме или нет. Решения принимаются для удовлетворения правовых интересов субъектов уголовного судопроизводства. При этом многообразие субъектов предопределяет многообразие интересов – как частных лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, так и публичных органов и лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. Данные интересы реализуются субъектами права посредством правоотношений.

Реализация правового интереса частных лиц возможна двумя способами – самостоятельно и через привлечение полномочий процессуальных органов. Данные правоотношения включают в себя права лица, вовлеченного в уголовное судопроизводство, которые, соответственно, являются правами субъективными. Существующая правовая доктрина под субъективным правом признает меру дозволенного поведения лица, принадлежащую ему для удовлетворения его интереса и обеспеченную юридическими обязанностями других лиц. Традиционно считается, что оно реализуется через правомочия: право требования, право на положительные действия, правопритязание и правопользование.

Н. И. Матузов включает в структуру субъективного права возможности:

«1. Действовать (т.е. право на собственное поведение управомоченного).

2. Требовать (т.е. право на должное поведение со стороны других лиц)

3. Пользоваться определенным социальным благом (т. е. право на удовлетворение своих материальных и духовных потребностей).

4. Защиты (т. е. вправе обращаться в компетентные органы государства и привести в действие механизм принуждения, если право нарушено (притязание)» [9, с. 99–100].

Говоря об уголовном процессе, следует отметить, что самостоятельная реализация интереса частными лицами (реализация права на самостоятельные активные действия) совершенно оправданно присутствует здесь в ограниченном объеме. Так, среди указанных правомочий можно отметить право на показания, право

ble ‘objectification’ of the final decision through the practice of several persons/entities: claimant, solver, controller, and supervisor. As can be seen from the above, the availability of different forms of control and supervision (institutional control, judicial review, the procurator’s supervision) is obviously the result of implementing the above-mentioned constitutional provisions in criminal procedure.

Of special interest is the relation between the considered principle of criminal proceedings and the constitutional principle of equality (Article 19 of the Constitution of the Russian Federation). This principle guarantees uniform consideration of similar cases in all spheres of state activity. One of the manifestations of this principle is ‘prohibition of arbitrariness’, including as its element the prohibition of arbitrariness in the realization of a right. In the context of the considered right, arbitrariness is expressed in obviously erroneous application of a right or in unfair consequences of its correct application. Thus, unreasonable, unlawful decision made as a result of infringement of procedural or substantive right violates prohibition of arbitrariness. A guarantee against such infringement and a tool for restoring infringed rights in criminal procedure is the right to file motions and complaints.

As can be concluded from the above, the principle of the right to appeal against procedural actions and decisions is the most important guarantee of achieving the purpose of criminal proceedings, a mandatory component of the criminal procedure form. This principle is based on the constitutionally enshrined provisions on equality of all before law, adversarial character of criminal procedure, availability for all of fair proceedings, state and court protection.

The Place of the Right to File Motions and Complaints in Criminal Procedure Legal Relations

The procedural form is expressed in the system of actions of authorized bodies at pre-trial stages, of court during proceedings, and also of

persons involved in procedure. The criminal procedure principles are implemented through actions of procedural bodies and persons. The ground for taking any action is a decision regardless of its being in written form or not. Decisions are made for satisfying the legal interests of participants in criminal proceedings. The diversity of participants predetermines the diversity of interests of both private persons involved in criminal proceedings and public authorities and persons carrying out criminal proceedings. These interests are implemented by persons at law via legal relations.

Implementation of legal interest of private persons is possible in two ways: independently and via engaging the powers of procedural bodies. These legal relations include the rights of persons involved in criminal proceedings. These rights are acknowledged by the current legal doctrine as a measure of allowed behavior of a person for satisfying their interest and secured by legal obligations of other persons. It is traditionally considered to be implemented via legal powers: the right of request, the right to positive actions, legal entitlement, and the right to use.

N. I. Matuzov includes the following possibilities into the structure of such a right:

‘1. To act (i.e. the right to independent behavior of a person)

2. To demand (i.e. the right to proper behavior of other persons)

3. To use certain social benefit (i.e. the right to satisfy one’s own material and spiritual needs)

4. To be protected (i.e. the right to apply to competent state authorities and to bring into effect the enforcement mechanism if a right (claim) is infringed’ [9, pp. 99–100].

As far as criminal procedure is concerned, it should be noted that independent implementation of interest by private persons (implementation of the right to independent actions) is legitimately limited here. Among the specified powers we can identify the following rights: the right to witness, the right to be assisted by an attorney and a repre-

пользоваться помощью защитника и представителя, право на ознакомление с материалами дела (в различном объеме на различных этапах производства), получение некоторой информации, копий ограниченного числа документов, на возражения против принятия некоторых решений стороной обвинения – вот, пожалуй, исчерпывающий список возможных положительных действий частного лица в уголовном судопроизводстве. С. С. Алексеев относит к такого рода правомочиям процессуальное право на жалобу, основываясь на том, что это правообразовательное правомочие, входящее в состав процессуальной правосубъектности отдельных лиц [2, с. 122]. С этим трудно согласиться, поскольку право на жалобу в том смысле, который мы в него вкладываем, не ограничивается правом на запуск «механизма» разрешения жалобы. Цель жалобы – исправление имевшего место ранее нарушения прав жалобщика, и достижение указанной цели возможно не путем запуска контрольно-надзорного механизма, а посредством реализации его возможностей, т. е. путем приведения в действие аппарата государственного принуждения против лица (органа), допустившего, по мнению жалобщика, нарушение его прав и свобод, что в доктрине обозначается как правопритязание.

Полномочия процессуальных органов – главный инструмент реализации правового интереса частных лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Именно их обязанности, напрямую прописанные в законе, корреспондируются с правом требования лиц частных. Все полномочия должны осуществляться при соблюдении принципов уголовного судопроизводства, большинство из которых носят «правозащитный» характер. Причем в уголовном процессе право требования с самого начала носит действенный, а не потенциальный характер, так как юридическим фактом, развивающим данный фактический состав правоотношений, является начало уголовного процесса – фиксация наличия повода для возбуждения уголовного дела. С этого момента обязанность по соблюдению прав лиц, вовлеченных в уголовный процесс, уже действует как корреспондирующая с правом требования. «Действенность» таких правоотношений вне зависимости от этапа производства по делу подчеркивается происходящими в уголовном процессе изменениями в

правовом регулировании, направленными на обеспечение прав лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, исходя из их «фактического», а не процессуального статуса. Именно поэтому показания свидетеля, ставшего впоследствии обвиняемым, не могут быть использованы в доказывании стороной обвинения, признается право на защиту лица, не имеющего процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого и т. д. При этом право требования в уголовном процессе имеет четко обозначенные границы. Они определяются полномочиями процессуальных лиц и органов, направленными на реализацию «правозащитных» принципов уголовного судопроизводства.

Правопритязания частных участников уголовного процесса выражаются в возможности для них приведения в действие полномочий процессуальных органов с целью достижения интересов обращающегося. Являясь продолжением права требования, оно существенно отличается от последнего тем, что, имея того же адресата (а в уголовно-процессуальных отношениях всего две стороны – процессуальные органы (лица) с одной, и лица, вовлеченные в процесс, – с другой), своим содержанием имеет не соблюдение адресатом обязанностей, установленных законом и гарантирующих права частных лиц, а совершение дополнительных действий (принятие решений) в пользу обратившихся частных лиц, в т. ч. для получения результата, противоположного процессуальному интересу лиц и органов, осуществляющих уголовный процесс. Следует отметить, что правопритязание, в отличие от права требования, изначально имеет «потенциальный» характер. Действенный характер оно приобретает в том случае, если обязанности, корреспондирующие с правами требования процессуальными органами, не исполняются. Так, при неисполнении следователем (дознавателем) обязанности самостоятельно производить следственные действия, в т. ч. направленные на выяснение обстоятельств, исключающие преступность и наказуемость деяния, смягчающие наказание, могущие повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания, заинтересованное лицо адресует ему (в связи с наличием у него государственно предоставленных полномочий по производству таких действий)

sentative, the right to familiarize oneself with case papers (in different scope at different stages of proceedings), the right to receive some information, copies of a limited number of documents, the right to protest against making some decisions by the prosecution – this appears to us to be a comprehensive list of possible positive actions of private persons in criminal proceedings. S. S. Alekseev also refers to such powers the procedural right to a complaint since it is a constitutive power included in the procedural legal personality of certain persons [2, p. 122]. We beg to disagree with this because the right to a complaint as we understand it is not reduced to the right to enforce a ‘mechanism’ for resolving complaints. The purpose of complaints is to remedy the infringement of rights of the appellant, and achievement of this purpose is possible not through enforcing the regulatory mechanism but through implementing its possibilities, i. e. through enforcing the state coercion tool against a person (body) who (which), in the appellant’s opinion, infringed his/her rights and freedoms, which is designated in doctrine as a legal entitlement.

The powers of procedural bodies are the main tool for implementing legal interest of private persons involved in criminal proceedings. Their obligations, expressly specified in law, correspond with the right of request of private persons. All powers shall be exercised with respect for the principles of criminal proceedings, most of which are of ‘right-protecting’ nature. Moreover, the right of request in criminal procedure is from the very beginning of effectual but not potential nature because the jural fact that develops the given set of facts of legal relations is the beginning of criminal procedure (documentation of the presence of cause for initiating a criminal case). From this moment, the obligation to respect rights of persons involved in criminal procedure acts as corresponding with the right of request. ‘Efficacy’ of such legal relations, regardless of the stage of proceedings on the case, is emphasized by changes in legal regulation of criminal procedure aimed at securing rights of persons involved in criminal proceedings based on their ‘actual’ but not procedural status. This is pre-

cisely why statements of a witness who afterwards became the accused cannot be used in proving by the prosecution; there is acknowledged the right of a person to be protected if he/she does not have a procedural status (of the suspected or the accused, etc.). Noteworthy is that the right of request in criminal procedure has strictly defined limits. They are determined by the powers of procedural persons and bodies aimed at implementing the ‘right-protecting’ principles of criminal proceedings.

Claims of private participants in criminal procedure are expressed in the possibility to bring into action the powers of procedural bodies with the aim of achieving the applicant’s interests. Being the continuation of the right of request, a claim is significantly different from that as, although it has the same addressee (there are only two parties in criminal procedure relations: procedural bodies (persons) and persons involved in procedure), its essence is not the observance by the addressee of obligations specified in law and guarantying rights of private persons but the performance of additional actions (making decisions) in favor of private applicants, including for achieving a result opposite to the procedural interest of persons and bodies carrying out criminal procedure. It is noteworthy that a claim, in contrast to the right of request, is initially of ‘potential’ nature. It acquires the effectual nature if the obligations corresponding with rights of request are not fulfilled by procedural bodies. For example, if an investigator (interrogator) fails to fulfill the obligation to independently carry out investigative activities, including those aimed at finding facts that exclude criminality and penalty of the act, commuting punishment, those that may entail relief from criminal responsibility and punishment, the interested person addresses to him/her (as he/she has powers to take such actions established by law) a claim for carrying out these activities and making decisions in the form of a motion. In this case, the investigator (interrogator) acts not as a person carrying out criminal prosecution but as the bearer of state and authoritative

притязания на совершение данных действий и принятие решений, выражающиеся в ходатайстве. Следователь (дознатель) при этом выступает не как лицо, осуществляющее уголовное преследование, но как носитель государственно-властных полномочий на принуждение, возможных к реализации через производство процессуальных действий и принятие процессуальных решений. При нарушении в ходе производства по уголовному делу обязанностей по соблюдению прав лица, вовлеченного в процесс, оно посредством жалобы направляет свои притязания контролирующему или надзирающему лицу или органу с целью применения им своих властных полномочий по восстановлению нарушенного права.

Таким образом, право на ходатайства и жалобы, как субъективное право, состоит в правопритязаниях на приведение в действие государственного аппарата для достижения процессуального интереса обращающегося лица. Через правопритязания достигается возможность пользоваться определенным социальным благом. Все это позволяет нам говорить, что право на жалобу и ходатайство является ключевым в построении уголовно-процессуальных отношений, направленных на защиту прав и свобод лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство.

Заключение

Ключевой в определении актуального назначения российского уголовного судопроизводства является статья 2 Конституции РФ. Наличие в главе 1 Конституции РФ положений об основных ценностях, признаваемых и охраняемых государством, определяет направленность и назначение всей государственной деятельности и позволяет в качестве единственного назначения уголовного процесса задекларировать защиту прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство.

Институт ходатайств и жалоб развивается вместе со всем уголовным процессом. Содержание и само существование рассматриваемого института находится в непосредственной зависимости от актуального назначения процесса.

Правовой институт ходатайств и жалоб является нормативной реализацией принципа права на обжалование процессуальных действий и решений, относящегося к числу «право-

охранительных» принципов, в настоящее время определяющих форму (тип) уголовного процесса. В содержание данного принципа включается не только жалоба в традиционном понимании, но и ходатайство, являющееся разновидностью жалобы. Ходатайства и жалобы представляют собой единое правовосстановительное средство.

Не отрицая значения права на ходатайство и жалобу как гарантию реализации материальных прав, следует подчеркнуть и самостоятельность данного права в ряду неотъемлемых (естественных) прав человека как одного из необходимых частей «права на право». Право на ходатайство и жалобу как неотъемлемое право человека, закрепленное в международных актах по правах человека, в уголовном процессе Российской Федерации реализуется, прежде всего, через реализацию принципа права на обжалование процессуальных действий и решений.

Принцип права на обжалование процессуальных действий и решений является важнейшей гарантией достижения назначения уголовного судопроизводства, обязательной составной частью уголовно-процессуальной формы. Принцип базируется на конституционно установленных положениях о равенстве всех перед законом, состязательности уголовного процесса, доступности для всех справедливого судебного разбирательства, государственной и судебной защиты.

Право на ходатайства и жалобы, как субъективное право, состоит в правопритязаниях на приведение в действие государственного аппарата для достижения процессуального интереса обращающегося лица. Через правопритязания достигается возможность пользоваться определенным социальным благом. Все это позволяет говорить о том, что право на жалобу и ходатайство является ключевым в построении уголовно-процессуальных отношений, направленных на защиту прав и свобод лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: НОРМА, 2001. 752 с.
2. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2. 360 с.
3. Андреева О. И., Григорьев В. Н., Зайцев О. А., Трубникова Т. В. Злоупотребление

powers to coerce that can be implemented via carrying out procedural actions and taking procedural decisions. If during criminal proceedings the obligations to respect the rights of a person involved in procedure are infringed, this person submits their claims in the form of a complaint to the controlling or supervising person or body so as to the authoritative powers of this person/body be used to restore the infringed right.

As can be seen from the above, the right to file motions and complaints involves claims for bringing into action the state apparatus for achieving the procedural interest of the applicant. Via claims it is possible to use a certain social benefit. All this allows us to say that the right to file motions and complaints is a key right in building criminal procedure relations aimed at the protection of rights and freedoms of persons involved in criminal proceedings.

Conclusions

The key point in determining the current purpose of Russian criminal proceedings is Article 2 of the Constitution of the Russian Federation. Chapter 1 of the Constitution contains provisions concerning core values being acknowledged and protected by state. This determines the course and purpose of the whole state activity and allows us to declare the protection of rights and lawful interests of persons involved in criminal proceedings as a sole purpose of criminal procedure.

The institution of motions and complaints is developed together with the whole criminal procedure. The scope and the very existence of this institution directly depend on the current purpose of procedure.

The legal institution of motions and complaints is a normative implementation of the principle of the right to appeal against procedural actions and decisions, which refers to ‘law-enforcement’ principles, currently determining the form (type) of criminal procedure. The scope of this principle includes not only complaints in tradi-

tional understanding but also motions being a type of complaints. Motions and complaints are a single right-restoring tool.

Without denying the significance of the right to file motions and complaints as a guarantee of realizing substantive rights, we should note the independence of this right among inalienable (natural) rights of person as a necessary part of the ‘right to a right’. The right to file motions and complaints as an inalienable right of person enshrined in international acts on human rights is primarily implemented in criminal procedure of the Russian Federation via the exercise of the right to appeal against procedural actions and decisions.

The principle of the right to appeal against procedural actions and decisions is the most important guarantee of achieving the purpose of criminal proceedings, a mandatory component of the criminal procedure form. This principle is based on the constitutionally established provisions concerning the equality of all before law, adversarial character of criminal procedure, availability for all of a fair trial, state and judicial protection.

The right to file motions and complaints involves claims for bringing into action the state apparatus for achieving the procedural interest of the applicant. Via claims it is possible to use certain social benefits. All this brings us to a conclusion that the right to file motions and complaints is a key right in building criminal procedure relations aimed at protecting rights and freedoms of persons involved in criminal proceedings.

References

1. Alekseev S. S. *Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya* [Ascent to the Right. Searches and Solutions]. Moscow, 2001. 752 p. (In Russ.).
2. Alekseev S. S. *Obshhaya teoriya prava. V dvukh tomakh* [General Theory of Law. In 2 vols.]. Moscow, 1982. Vol. 2. 360 p. (In Russ.).
3. Andreeva O. I., Grigor'ev V. N., Zaytsev O. A., Trubnikova T. V. *Zloupotreblenie pravom, ego preduprezhdenie i presechenie v уголовном protsesse Rossii: nekotorye itogi issledovaniya* [Abuse of Right, Its Prevention and Suppres-

правом, его предупреждение и пресечение в уголовном процессе России: некоторые итоги исследования // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 6. С. 914–924. DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(6).914-924.

4. Безруков С. С. Принципы уголовного процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 58 с.

5. Григорьев В. Н. Уголовно-процессуальная форма или административный регламент: современные тренды // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9, № 1. С. 42–51. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.103>.

6. Капицын В. М. Права человека и механизмы их защиты: учеб. пособие. М.: ИКФ «ЭКМОС», 2003. 288 с.

7. Кондрат И. Н. Права человека и уголовно-процессуальный закон (досудебное производство). М.: Юстицинформ, 2012. 318 с.

8. Люшер Ф. Конституционная защита прав и свобод личности / пер. с фр. С. В. Боботова, Д. И. Васильева; под ред. С. В. Боботова. М.: Прогресс: Универс, 1993. 382 с.

9. Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия (теоретические проблемы объективного права). Саратов, 1972. 292 с.

10. Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. 144 с.

11. Права человека: учебник для вузов / отв. ред. член-корр. РАН, д-р юрид. наук Е. А. Лукашева. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. 573 с.

12. Принципы российского уголовного судопроизводства: содержание и проблемы реализации: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. С. Мановой. М.: Юрлитинформ, 2019. 360 с.

13. Рассказов Л. П., Упоров И. В. Естественные права человека: учеб. пособие. СПб.: Лексикон, 2001. 96 с.

14. Смирнов А. В. Состязательный процесс. СПб.: Альфа, 2001. 320 с.

15. Child J. J. Defense of a Basic Voluntary Act Requirement in Criminal Law from Philosophies of Action // *New Criminal Law Review*. 2020. Vol. 23(4). Pp. 437–470. <https://doi.org/10.1525/nclr.2020.23.4.437>.

16. Christensen M. J. The Perestroika of International Criminal Law: Soviet Reforms and the

Promise of Legal Primacy in International Governance // *New Criminal Law Review*. 2020. Vol. 23(2). Pp. 236–270. <https://doi.org/10.1525/nclr.2020.23.2.236>.

17. Huq A. Z. A Right to a Human Decision // *Virginia Law Review*. 2019. Vol. 105. U of Chicago, Public Law Working Paper № 713. SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3382521>.

18. Rakar I., Tičar B. Normative Principles in the System of Criminal Justice // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. 2016. Vol. 24, Issue 2–3. Pp. 135–150. DOI: 10.1163/15718174-24032089.

19. Hilgert J. A. Building a human rights framework for workers' compensation in the United States: Opening the debate on first principles // *American journal of industrial medicine*. 2012. Vol. 55, Issue 6. Special Issue: Rethinking Workers' Compensation: The Human Rights Perspective. Pp. 506–518. <https://doi.org/10.1002/ajim.22023>. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/ajim.22023> - fn1.

20. Kremens K., Jasinski W. Editorial of dossier “Admissibility of Evidence in Criminal Process. Between the Establishment of the Truth, Human Rights and the Efficiency of Proceedings” // *Revista brasileira de direito processual penal*. JAN–APR. 2021. Vol. 7, Issue 1. Pp. 15–42. DOI: <https://doi.org/10.22197/rbdpp.v7i1.537>.

21. Mujuzi J. D. Victim Participation in the Criminal Justice System in the European Union through Private Prosecutions: Issues Emerging from the Jurisprudence of the European Court of Human Rights // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. 2016. Vol. 24, Issue 2–3. Pp. 506–518. doi: 10.1163/15718174-24032088.

22. Perry M. J. The Morality of Human Rights // *Human Rights Quarterly*. 2020. Vol. 42, Issue 2. Pp. 434–478. DOI: 10.1353/hrq.2020.0023.

23. Pinto M. Historical Trends of Human Rights Gone Criminal // *Human Rights Quarterly*. 2020. Vol. 42, Issue 4. Pp. 729–761. DOI: 10.1353/hrq.2020.0039.

24. Pitcher K. M. Rights-Analysis in Addressing Pre-Trial Impropriety: An Obstacle to Fairness? // Jackson J. D., Summers S. J. (Eds.) *Obstacles to Fairness in Criminal Proceedings: Individual Rights and Institutional Forms*. Oxford: Hart Publishing, 2018. Pp. 273–300. DOI: 10.5040/9781782258384.ch-014.

sion in the Criminal Procedure of Russia: Some Results of Research]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal* – Russian Journal of Criminology. 2018. Vol. 12. Issue 6. Pp. 914–924. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).914-924. (In Russ.).

4. Bezrukov S. S. *Printsipy ugovnogo protsessa: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Principles of Criminal Procedure: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2016. 58 p. (In Russ.).

5. Grigor'ev V. N. *Ugolovno-protsessual'naya forma ili administrativnyy reglament: sovremennye trendy* [Criminal Procedure Form or Administrative Regulations: Current Trends]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* – Vestnik of Saint Petersburg University. Law. 2018. Vol. 9. Issue 1. Pp. 42–51. Available at: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.103>. (In Russ.).

6. Kapitsyn V. M. *Prava cheloveka i mekhanizmy ikh zashhity: Uchebnoe posobie* [Human Rights and Mechanisms for Their Protection: Study Guide]. Moscow, 2003. 288 p. (In Russ.).

7. Kondrat I. N. *Prava cheloveka i ugovno-protsessual'nyy zakon (dosudebnoe proizvodstvo)* [Human Rights and Criminal Procedure Law (Pre-Trial Proceedings)]. Moscow, 2012. 318 p. (In Russ.).

8. Luchaire F. *Konstitutsionnaya zashhita prav i svobod lichnosti*. [Constitutional Protection of the Rights and Freedoms of the Individual]. Transl. from French by S. V. Bobotov, D. I. Vasil'ev; ed. by S. V. Bobotov. Moscow, 1993. 382 p. (In Russ.).

9. Matuzov N. I. *Lichnost'. Prava. Demokratiya (teoreticheskie problemy sub'ektivnogo prava)* [Personality. Rights. Democracy (Theoretical Problems of the Right)]. Saratov, 1972. 292 p. (In Russ.).

10. Mikhaylovskaya I. B. *Tseli, funktsii i printsipy rossiyskogo ugovnogo sudoproizvodstva (ugolovno-protsessual'naya forma)* [Objectives, Functions and Principles of Russian Criminal Proceedings (Criminal Procedure Form)]. Moscow, 2003. 144 p. (In Russ.).

11. *Prava cheloveka. Uchebnik dlya VUZov* [Human Rights. Textbook for institutions of higher education]. Ed. by the Corresponding Member of the RAS, Dr. jurid. sci. E. A. Lukasheva]. Moscow, 1999. 573 p. (In Russ.).

12. *Printsipy rossiyskogo ugovnogo sudoproizvodstva: sodержanie i problemy realizatsii*

monografiya [Principles of Russian Criminal Justice: Essence and Problems of Implementation: Monograph]. Ed. by Dr. jurid. sci., Prof. N. S. Manova]. Moscow, 2019. 360 p. (In Russ.).

13. Rasskazov L. P., Uporov I. V. *Estestvennye prava cheloveka: Uchebnoe posobie* [Natural Rights of Man: Study Guide]. St. Petersburg, 2001. 96 p. (In Russ.).

14. Smirnov A. V. *Sostyazatel'nyy protsess* [Adversary Process]. St. Petersburg, 2001. 320 p. (In Russ.).

15. Child J. J. Defense of a Basic Voluntary Act Requirement in Criminal Law from Philosophies of Action. *New Criminal Law Review*. 2020. Vol. 23 (4). Pp. 437–470. Available at: <https://doi.org/10.1525/nclr.2020.23.4.437>. (In Eng.).

16. Christensen M. J. The Perestroika of International Criminal Law: Soviet Reforms and The Promise of Legal Primacy in International Governance. *New Criminal Law Review*. 2020. Vol. 23 (2). Pp. 236–270. Available at: <https://doi.org/10.1525/nclr.2020.23.2.236>. (In Eng.).

17. Huq A. Z. A Right to a Human Decision. *Virginia Law Review*. 2019. Vol. 105. U of Chicago, Public Law Working Paper No. 713. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3382521>. (In Eng.).

18. Rakar I., Tičar B. Normative Principles in the System of Criminal Justice. *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. 2016. Vol. 24. Issue 2–3. Pp. 135–150. DOI: 10.1163/15718174-24032089. (In Eng.).

19. Hilgert J. A. Building a Human Rights Framework for Workers' Compensation in the United States: Opening the Debate on first Principles. *American Journal of Industrial Medicine*. 2012. Vol. 55. Issue 6. Special Issue: Rethinking Workers' Compensation: The Human Rights Perspective. Pp. 506–518. Available at: <https://doi.org/10.1002/ajim.22023>; <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/ajim.22023-fn1>. (In Eng.).

20. Kremens K., Jasiński W. Editorial of Dossier ‘Admissibility of Evidence in Criminal Process. Between the Establishment of the Truth, Human Rights and the Efficiency of Proceedings’. *Revista Brasileira de Direito Processual Penal*. January–April 2021. Vol. 7. Issue 1. Pp. 15–42. Available at: <https://doi.org/10.22197/rbdpp.v7i1.537>. (In Eng.).

21. Mujuzi J. D. Victim Participation in the Criminal Justice System in the European Union Through Private Prosecutions: Issues Emerging

References

1. Alekseev S. S. *Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya* [Ascent to the Right. Searches and Solutions]. Moscow, 2001. 752 p. (In Russ.).
2. Alekseev S. S. *Obshhaya teoriya prava. V dvukh tomakh* [General Theory of Law. In 2 vols.]. Moscow, 1982. Vol. 2. 360 p. (In Russ.).
3. Andreeva O. I., Grigor'ev V. N., Zaytsev O. A., Trubnikova T. V. *Zloupotreblenie pravom, ego preduprezhdenie i presechenie v ugovnom protsesse Rossii: nekotorye itogi issledovaniya* [Abuse of Right, Its Prevention and Suppression in the Criminal Procedure of Russia: Some Results of Research]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal* – Russian Journal of Criminology. 2018. Vol. 12. Issue 6. Pp. 914–924. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).914–924. (In Russ.).
4. Bezrukov S. S. *Printsipy ugovnogo protsessa: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [Principles of Criminal Procedure: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2016. 58 p. (In Russ.).
5. Grigor'ev V. N. *Ugovno-protsessual'naya forma ili administrativnyy reglament: sovremennye trendy* [Criminal Procedure Form or Administrative Regulations: Current Trends]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* – Vestnik of Saint Petersburg University. Law. 2018. Vol. 9. Issue 1. Pp. 42–51. Available at: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14>. 2018.103. (In Russ.).
6. Kapitsyn V. M. *Prava cheloveka i mekhanizmy ikh zashchity: Uchebnoe posobie* [Human Rights and Mechanisms for Their Protection: Study Guide]. Moscow, 2003. 288 p. (In Russ.).
7. Kondrat I. N. *Prava cheloveka i ugovno-protsessual'nyy zakon (dosudebnoe proizvodstvo)* [Human Rights and Criminal Procedure Law (Pre-Trial Proceedings)]. Moscow, 2012. 318 p. (In Russ.).
8. Luchaire F. *Konstitutionsnaya zashchita prav i svobod lichnosti*. [Constitutional Protection of the Rights and Freedoms of the Individual]. Transl. from French by S. V. Bobotov, D. I. Vasil'ev; ed. by S. V. Bobotov. Moscow, 1993. 382 p. (In Russ.).
9. Matuzov N. I. *Lichnost'. Prava. Demokratiya (teoreticheskie problemy sub'ektivnogo prava)* [Personality. Rights. Democracy (Theoretical Problems of the Right)]. Saratov, 1972. 292 p. (In Russ.).
10. Mikhaylovskaya I. B. *Tseli, funktsii i printsipy rossiyskogo ugovnogo sudoproizvodstva (ugolovno-protsessual'naya forma)* [Objectives, Functions and Principles of Russian Criminal Proceedings (Criminal Procedure Form)]. Moscow, 2003. 144 p. (In Russ.).
11. *Prava cheloveka. Uchebnik dlya VUZov* [Human Rights. Textbook for institutions of higher education]. Ed. by the Corresponding Member of the RAS, Dr. jurid. sci. E. A. Lukasheva]. Moscow, 1999. 573 p. (In Russ.).
12. *Printsipy rossiyskogo ugovnogo sudoproizvodstva: sodержание i problemy realizatsii: monografiya* [Principles of Russian Criminal Justice: Essence and Problems of Implementation: Monograph]. Ed. by Dr. jurid. sci., Prof. N. S. Manova]. Moscow, 2019. 360 p. (In Russ.).
13. Rasskazov L. P., Uporov I. V. *Estestvennye prava cheloveka: Uchebnoe posobie* [Natural Rights of Man: Study Guide]. St. Petersburg, 2001. 96 p. (In Russ.).
14. Smirnov A. V. *Sostyazatel'nyy protsess* [Adversary Process]. St. Petersburg, 2001. 320 p. (In Russ.).
15. Child J. J. Defense of a Basic Voluntary Act Requirement in Criminal Law from Philosophies of Action. *New Criminal Law Review*. 2020. Vol. 23 (4). Pp. 437–470. Available at: <https://doi.org/10.1525/nclr.2020.23.4.437>. (In Eng.).
16. Christensen M. J. The Perestroika of International Criminal Law: Soviet Reforms and The Promise of Legal Primacy in International Governance. *New Criminal Law Review*. 2020. Vol. 23 (2). Pp. 236–270. Available at: <https://doi.org/10.1525/nclr.2020.23.2.236>. (In Eng.).
17. Huq A. Z. A Right to a Human Decision. *Virginia Law Review*. 2019. Vol. 105. U of Chicago, Public Law Working Paper No. 713. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3382521>. (In Eng.).
18. Rakar I., Tičar B. Normative Principles in the System of Criminal Justice. *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. 2016. Vol. 24. Issue 2–3. Pp. 135–150. DOI: 10.1163/15718174-24032089. (In Eng.).
19. Hilgert J. A. Building a Human Rights Framework for Workers' Compensation in the United States: Opening the Debate on first Principles. *American Journal of Industrial Medicine*. 2012. Vol. 55. Issue 6. Special Issue: Rethinking Workers' Compensation: The Human Rights Perspective. Pp. 506–518. Available at:

from the Jurisprudence of the European Court of Human Rights. *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. 2016. Vol. 24. Issue 2–3. Pp. 506–518. DOI: 10.1163/15718174-24032089. (In Eng.).

22. Perry M. J. The Morality of Human Rights. *Human Rights Quarterly*. 2020. Vol. 42. Issue 2. Pp. 434–478. DOI: 10.1353/hrq.2020.0023. (In Eng.).

23. Pinto M. Historical Trends of Human Rights Gone Criminal. *Human Rights Quarterly*. 2020. Vol. 42. Issue 4. Pp. 729–761. DOI: 10.1353/hrq.2020.0039. (In Eng.).

24. Pitcher K. M. Rights-Analysis in Addressing Pre-Trial Impropriety: An Obstacle to Fairness? *Obstacles to Fairness in Criminal Proceedings: Individual Rights and Institutional Forms*. Ed. by J. D. Jackson, S. J. Summers. Oxford: Hart Publishing, 2018. Pp. 273–300. DOI: 10.5040/9781782258384.ch-014. (In Eng.).

References in Russian

1. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: НОРМА, 2001. 752 с.
2. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2. 360 с.
3. Андреева О. И., Григорьев В. Н., Зайцев О. А., Трубникова Т. В. Злоупотребление правом, его предупреждение и пресечение в уголовном процессе России: некоторые итоги исследования // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 6. С. 914–924. DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(6).914-924.
4. Безруков С. С. Принципы уголовного процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 58 с.
5. Григорьев В. Н. Уголовно-процессуальная форма или административный регламент: современные тренды // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9, № 1. С. 42–51. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14>. 2018.103.
6. Капицын В. М. Права человека и механизмы их защиты: учеб. пособие. М.: ИКФ «ЭКМОС», 2003. 288 с.
7. Кондрат И. Н. Права человека и уголовно-процессуальный закон (досудебное производство). М.: Юстицинформ, 2012. 318 с.
8. Люшер Ф. Конституционная защита прав и свобод личности / пер. с фр. С. В. Боботова, Д. И. Васильева; под ред. С. В. Боботова. М.: Прогресс: Универс, 1993. 382 с.

9. Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия (теоретические проблемы объективного права). Саратов, 1972. 292 с.

10. Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. 144 с.

11. *Права человека: учебник для вузов* / отв. ред. член-корр. РАН, д-р юрид. наук Е. А. Лукашева. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. 573 с.

12. *Принципы российского уголовного судопроизводства: содержание и проблемы реализации: монография* / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. С. Мановой. М.: Юрлитинформ, 2019. 360 с.

13. Рассказов Л. П., Упоров И. В. Естественные права человека: учеб. пособие. СПб.: Лексикон, 2001. 96 с.

14. Смирнов А. В. Состязательный процесс. СПб.: Альфа, 2001. 320 с.

15. Child J. J. Defense of a Basic Voluntary Act Requirement in Criminal Law from Philosophies of Action // *New Criminal Law Review*. 2020. Vol. 23(4). Pp. 437–470. <https://doi.org/10.1525/nclr.2020.23.4.437>.

16. Christensen M. J. The Perestroika of International Criminal Law: Soviet Reforms and the Promise of Legal Primacy in International Governance // *New Criminal Law Review*. 2020. Vol. 23(2). Pp. 236–270. <https://doi.org/10.1525/nclr.2020.23.2.236>.

17. Huq A. Z. A Right to a Human Decision // *Virginia Law Review*. 2019. Vol. 105. U of Chicago, Public Law Working Paper № 713. SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3382521>.

18. Rakar I., Tičar B. Normative Principles in the System of Criminal Justice // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. 2016. Vol. 24, Issue 2–3. Pp. 135–150. DOI: 10.1163/15718174-24032089.

19. Hilgert J. A. Building a human rights framework for workers' compensation in the United States: Opening the debate on first principles // *American journal of industrial medicine*. 2012. Vol. 55, Issue 6. Special Issue: Rethinking Workers' Compensation: The Human Rights Perspective. Pp. 506–518. <https://doi.org/10.1002/ajim.22023>. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/ajim.22023> - fn1.

20. Kremens K., Jasinski W. Editorial of dossier “Admissibility of Evidence in Criminal

<https://doi.org/10.1002/ajim.22023>; <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/ajim.22023-fn1>. (In Eng.).

20. *Kremens K., Jasiński W.* Editorial of Dossier ‘Admissibility of Evidence in Criminal Process. Between the Establishment of the Truth, Human Rights and the Efficiency of Proceedings’. *Revista Brasileira de Direito Processual Penal*. January-April 2021. Vol. 7. Issue 1. Pp. 15–42. Available at: <https://doi.org/10.22197/rbdpp.v7i1.537>. (In Eng.).

21. *Mujuzi J. D.* Victim Participation in the Criminal Justice System in the European Union Through Private Prosecutions: Issues Emerging from the Jurisprudence of the European Court of Human Rights. *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. 2016. Vol. 24. Issue 2–3.

Информация об авторе:

О. А. Максимов, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного процесса
Ульяновский государственный университет
432000, Россия, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, 42
ORCID: 0000-0002-7071-8566

Pp. 506–518. DOI: 10.1163/15718174-24032088. (In Eng.).

22. *Perry M. J.* The Morality of Human Rights. *Human Rights Quarterly*. 2020. Vol. 42. Issue 2. Pp. 434–478. DOI: 10.1353/hrq.2020.0023. (In Eng.).

23. *Pinto M.* Historical Trends of Human Rights Gone Criminal. *Human Rights Quarterly*. 2020. Vol. 42. Issue 4. Pp. 729–761. DOI: 10.1353/hrq.2020.0039. (In Eng.).

24. *Pitcher K. M.* Rights-Analysis in Addressing Pre-Trial Impropriety: An Obstacle to Fairness? *Obstacles to Fairness in Criminal Proceedings: Individual Rights and Institutional Forms*. Ed. by J. D. Jackson, S. J. Summers. Oxford: Hart Publishing, 2018. Pp. 273–300. DOI: 10.5040/9781782258384.ch-014. (In Eng.).

About the author:

O. A. Maximov
Ulyanovsk State University
42, L’va Tolstogo st., Ulyanovsk, 432000, Russia
ORCID: 0000-0002-7071-8566

Process. Between the Establishment of the Truth, Human Rights and the Efficiency of Proceedings” // *Revista brasileira de direito processual penal*. JAN–APR. 2021. Vol. 7, Issue 1. Pp. 15–42. DOI: <https://doi.org/10.22197/rbdpp.v7i1.537>.

21. *Mujuzi J. D.* Victim Participation in the Criminal Justice System in the European Union through Private Prosecutions: Issues Emerging from the Jurisprudence of the European Court of Human Rights // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. 2016. Vol. 24, Issue 2–3. Pp. 506–518. doi: 10.1163/15718174-24032088.

About the author:

O. A. Maximov
Ulyanovsk State University
42, L’va Tolstogo st., Ulyanovsk, 432000, Russia
ORCID: 0000-0002-7071-8566

22. *Perry M. J.* The Morality of Human Rights // *Human Rights Quarterly*. 2020. Vol. 42, Issue 2. Pp. 434–478. DOI:10.1353/hrq.2020.0023.

23. *Pinto M.* Historical Trends of Human Rights Gone Criminal // *Human Rights Quarterly*. 2020. Vol. 42, Issue 4. Pp. 729–761. DOI: 10.1353/hrq.2020.0039.

24. *Pitcher K. M.* Rights-Analysis in Addressing Pre-Trial Impropriety: An Obstacle to Fairness? // Jackson J. D., Summers S. J. (Eds.) *Obstacles to Fairness in Criminal Proceedings: Individual Rights and Institutional Forms*. Oxford: Hart Publishing, 2018. Pp. 273–300. DOI: 10.5040/9781782258384.ch-014.

Информация об авторе:

О. А. Максимов, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного процесса
Ульяновский государственный университет
432000, Россия, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, 42
ORCID: 0000-0002-7071-8566